

ИГОРЬ КОЛОСОВ

**ИДИ
ПО ЗНАКАМ**

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Разработка серийного оформления
Владимира Безкровного

Колосов, Игорь Анатольевич.

К61 Иди по знакам / Игорь Колосов. — Москва : Эксмо, 2023. — 512 с. — (Кинофантастика).

ISBN 978-5-04-160873-6

Они живут в Башне с самого рождения — четыре парня и три девушки. Их родители — две семейные пары — оказались в Башне после Конца Света, последнюю стадию которого составил Всемирный Потоп, и теперь Москва представляет собой водную поверхность, из которой торчат верхушки высоток.

Чтобы избежать братоубийства и выжить, они должны покинуть обжитое пристанище, разгадать шифровки покойного отца и пройти путь сообразно символам, которые использовались до Конца Света.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колосов И., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-160873-6

«И у нас нет никого, кто бы повел нас, единственный
наш вожатый — это тоска по дому».

Герман Гессе, «Стенной волк»

Мы живем в Баине.

Когда-то давно ее называли «Останкинская телебаина», но я не знаю точно, что это означает, — о прошлом отец говорил избирательно. Он рассказывал, что раньше здесь было много людей, они не жили в Баине, а работали. Все это для нас сложно, хотя смысл я понимаю. Люди куда-то уходили на ночь, чтобы днем вернуться в Баину. Им не были нужны лодка, плот или катамаран — раньше вокруг Баины не было воды. Отец говорил, раньше вокруг Баины была твердая земля, но, признаться, для меня это до сих пор непостижимо.

Нет воды...

Сложно понять, но отцу я верю. Он никогда не врал. А рассказывал он мне много. И заставлял читать книги — от прошлого их осталось немало. Он предчувствовал то, что с ним случится. И, кажется, спешил оставить мне в памяти как можно больше.

Еще он оставил мне две странные надписи.

3(к.) 1(с.) 3(к.) 4(б.) 3(б.) 2(б.) 4(с.) 1(к.) 3(з.) 1(к.) 3(с.)¹

4(з.) 3(б.) 1(с.) 3(з.) 1(к.) 1(з.) 4(с.) 3(к.) 2(б.) 6(з.)

---

¹ В романе использована цветовая маркировка знаков. К. — красный; с. — синий; б. — белый; з. — зеленый.

Он был при смерти, когда передал мне клочок бумажки с этими цифрами в разных цветах. Я догадался, что написанное там имеет смысл. Однако понять его мне не удалось, хотя я чувствовал, что это жизненно важно.

Почему же он не написал обычные буквы? Уже в три года я читал — постарались мама и тетя Анна. Причину я знал еще тогда, но по-настоящему осознал гораздо позже.

В тот момент, когда отец — он несколько дней уже не вставал с постели — увидел меня и Марка.

Марк... Второй ребенок дяди Грэга и тети Анны. Брат Дианы и Бориса. Мой друг детства и мой теперешний враг. Противник моих отношений с Дианой. Злой гений нашего несчастного Стефана, моего младшего брата, который родился после меня. Марк... Пожалуй, противоречий в нем было больше, чем в ком бы то ни было из всех Семерых, Рожденных в Башне.

Нас четыре парня и три девчонки. Две мои сестры, Тамара и Нина, и мой брат Стефан. Два сына и дочь дяди Грэга и тети Анны. Диана родилась после меня, затем очередность была такая: Стефан, Марк, Тамара, Борис, Нина. Наши семьи всегда казались перемешанными, и лишь годам к пяти я осознал, что ночи мы проводим отдельно. Мои родители всегда спали в «Юпитере» — по их словам, это был нижний двухъярусный ресторан Останкинской телебашни. Для детей там была отдельная комната, созданная с помощью простых перегородок. На два этажа выше, в ресторане «Высота», жила семья дяди Грэга и тети Анны. Разделение было всего лишь «ночным». Вся Башня принадлежала всем и никому в отдельности. Мы были единственными в мире людьми, хотя я нередко слышал утверждение отца, что где-то, возможно, живут другие люди.

Другие люди...

По словам отца и матери (и по утверждению книг, которые я читал), раньше вся Земля была усеяна людьми,

их было много, очень много. Затем случилась Великая Катастрофа, и многие погибли. Умерла сама Цивилизация. Мои родители выжили вместе с дядей Грэггом и тетей Анной, и отец предполагал, что мог выжить кто-то еще.

О том, как они вчетвером оказались в Башине, отец не рассказывал. Если кто-то из детей задавал вопросы, все взрослые уходили от ответа.

Как и отец, я любил смотреть вдаль со смотровой площадки Башини. Что-то вроде ритуала. Смотреть, как садится солнце, вдали блестит розовеющая вода, удлиняются тени от зданий, чьи верхушки поднимаются над водой, словно щупальца гигантских морских существ вытягиваются из неведомых глубин. В такие моменты, расслабленный, я ловил себя на мысли, что странное, неведомое откуда взявшееся желание отправиться в эти дали крепнет, становится осмысленным, жгучим, как те коктейли, что любил делать по праздникам дядя Грэг, а в этом он был специалист. Однажды я высказался по этому поводу отцу. Он ответил не сразу, долго смотрел куда-то в одну точку, размышляя, затем произнес то, смысл чего я до конца уяснил лишь спустя время:

— Дай бог, чтобы ты и наша семья отправились в путь по своей воле, а не потому, что к этому вас вынудят... обстоятельства. — Он вздохнул и помолчал. — Поверь, тяга что-то изменить — штука хорошая, вот только позже понимаешь, что в конечном итоге ничего не выигрываешь.

Снова короткая пауза, я уже думал, что тема исчерпана, и тут он выдал:

— Что сверху, то и внизу. Запомни.

В тот день я подумал, что это как-то относится к Башине, вполне логичное решение. Башиня была нашим Миром, нашей Вселенной, все остальное казалось эфемерным, не более реальным, нежели то, о чем я читал в книгах. Мы родились в Башине, мы все время находились именно здесь, не считая вылазок с отцом, во время которых мы не уходили слишком далеко — Башиня всегда оста-

валась у нас на виду, как маяк, как символ истинной жизни. Но все оказалось не так. В отличие от нас, детей, отец видел, как могут развиваться отношения между нами, когда мы подрастем. Он мог предугадывать, и потенциальная картина будущего его пугала.

Основным источником беспокойства среди детей с раннего детства был Марк. В два года он случайно обварил кипятком ногу тети Анны. Господи, как она кричала! Марк плакал — он тоже испугался, но я хочу сказать, что еще сопляком он наводил шорох, не только обижал сестер и братьев, но и доставлял неприятности взрослым — «пол у него горел под ногами», как говорила тетя Анна. Будучи маленьким ребенком, Марк смотрел на меня снизу вверх, и тогда нас еще можно было считать друзьями, я нередко участвовал в его же проказах, но по мере взросления что-то внутри у него противилось положению, которое — пусть с натяжкой — можно было назвать подчиненным. Волчонок рос, креп, и нечто внутри у него росло и крепло вместе с ним. Некая сущность, которая требовала быть во главе чего бы то ни было, подчинить себе остальных, сделать так, чтобы даже родные мать и отец отошли на второй план.

Я уверен, именно Марк виновен в гибели дяди Грэга и тети Анны. Косвенно или прямо, неважно.

Пожалуй, именно Марк приблизил трагическую кончину моих родителей. Прямых доказательств нет, но они мне и не нужны. Достаточно было заглянуть ему в глаза, когда мой отец перестал дышать. Взрослые стали мешать ему, они стояли у него на пути, как здания, которые не обойдешь, которые можно лишь разрушить, и он постарался.

Наш несчастный Стефан познал злобную суть Марка с самого его рождения. Стефан не говорил, хотя понимал все сказанное, он до сих пор молчит. Он странный. Скошенная голова Стефана, его молчание и кивки, если нужно кому-то ответить знаками, его припадки, во время

которых он мычал, жутко выпучивая глаза, его длительные прострации, во время которых он будто выпадал из нашей реальности, — все это вызывало злобные насмешки Марка, он допекал Стефана, доводил его до истерики, и никто и ничто не могло Марка осадить. Если же тетя Анна наказывала его, это лишь усиливало его ненависть и злобу к Стефану. Бешеная энергия, привычка накопить, сарказм и злоба не позволили бы Марку изменить в себе хоть что-то, даже если бы он сам этого захотел.

Когда же умерли родители Марка, он, казалось, вообще слетел с катушек. Исчез последний сдерживающий рычаг — его мать, тетя Анна. Это привело к тому, что мой отец сменил для Стефана жилище — просто спрятал его, чтобы Марк его не видел, чтобы они не встречались. Стефану носили еду, подозреваю, что он помогал отцу и матери обрабатывать, растить, пропалывать те из наших «полей», которые взрослые не перенесли на нижний ярус «Юпитера», оставили на нижних этажах Башни. Помогать другим Стефан всегда был согласен, он никогда никому не отказывал. Но даже это — вынужденное отсутствие Стефана — не остановило Марка. Он стал искать его, и это превратилось в извращенную игру. Я точно знаю, что отец несколько раз перепрыгивал Стефана, и когда сговорился с мамой, чтобы заточить самого Марка, Марк сбежал.

Это лишь кажется, что в Башне одна маршевая лестница и все помещения можно проверить. На самом деле закоулков столько, что прятаться могли бы с десятков таких Марков. Теоретически он мог покинуть Башню, возвращаясь время от времени, жить в одной из ближайших высоток, что торчали из воды. Все это накаляло обстановку, отсутствие Марка и его неожиданные появления, большие похожие на налеты, превращали жизнь в ад. И хотя сразу после смерти моей матери Марк «вернулся» — как и тетя Анна, мама воздействовала на него, — оказалось, это был тонко рассчитанный ход.

Единственным, кого Марк не трогал, была Диана. До недавнего времени я думал, что причина в том, что Марк любит Диану, как брат сестру, что даже у него в душе есть к кому-то любовь, но теперь я знаю, что у Марка к Диане противоестественное желание, подогретое тем, что она выбрала меня, не его, родного брата.

И я не мог ничего с этим поделать. Я знал — отец не раз говорил мне об этом, — что нельзя пойти на убийство, это не приведет ни к чему хорошему. Я просто выбираю это же решение в другой раз, пусть даже проблема будет менее серьезной. Просто потому, что метод уже поработит меня, как только я попробую его впервые. Как сильный наркотик — некое химическое вещество, которое портило и ломало жизни многих людей до Великой Катастрофы. Или, как говорим мы, в Мире До Воды.

Я пишу эти строки по советам отца. Надеюсь ли я, что кто-то найдет и прочитает написанное? Не знаю... Есть ли вообще кто-то кроме нас, кто смог бы это прочитать? Я лишь знаю, что отец сообщил мне что-то важное с помощью цифр в цвете, но он не только боялся, что это станет известно Марку, похоже, отец не был уверен, что мне вообще нужна эта информация. Диана не уверена, что послание связано с тем, как и куда отправляться, если мы все же решим покинуть Баинню, ведь Марк уже не оставил нам выбора. Как говорил мой отец, обстоятельства вынуждают нас к этому.

Марк требует отдать ему Диану (Господи, он требует отдать всех сестер!), но я не могу позволить случиться этому, не считая того, что сама Диана ни за что меня не покинет. Но противиться Марку опасно для жизни. Он обещает, что уничтожит нас, и для этого уже многое сделано.

Как же нам быть? Покинуть наш обжитый мир, нашу Баинню, разделиться после того, как мы были единым целым с самого рождения? Неужели нет иного выхода?

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Диана смотрела на него, в глазах — тревога, нетерпение. На миг Адама кольнула мысль, что в ее глазах уже нет любви, ее вытеснили страх, напряжение и бесконечное ожидание. Но нет — это всего лишь секундная слабость. Она любит его, всегда любила. Они были предназначены друг другу с самого рождения. Он был Первым из Семерых Рожденных в Башне, она — Второй и первым ребенком женского пола. Она родилась для него так же, как он родился для нее.

Через стекло смотровой площадки проникли первые лучи солнца. Восход. Еще недавно они вместе нередко встречали восход, но все изменилось. Адам зевнул. Сонливость усиливалась, мысли путались. Ему нужен отдых. Иначе ничего у него не выйдет.

Он в очередной раз заглянул в бумажку на столике. Цифры в цвете. Как и те две первые надписи, переданные отцом лично. И такие же неподвластные его пониманию.

1(с.) 2(с.) 1(з.) 8(б.) 5(з.) 7(с.) 3(з.) 3(к.) 4(з.) 3(б.) 3(с.)
2(с.) 5(з.) 5(к.) 3(б.) 1(з.) 4(с.) 1(к.) 7(б.) 2(з.) 3(б.) 1(з.) 3(б.)
6(к.) 5(з.) 3(б.) 3(з.)

Вокруг бумажки лежали листы с буквами и перечеркнутыми цифрами, более десятка вариантов — труды Адама по расшифровке за последние два дня. Диана бросила взгляд на последний листок, в ее глазах появился вопрос. Адам покачал головой:

— Бесполезно. Я не понимаю эту систему. Если бы тут были только цифры... Но цвета все путают. Как их задействовать?

Диана посмотрела на спящих девочек, Тамару и Нину. Они лежали в спальнях мешках, Нину прикрыли сверху пледом. Они выглядели умиротворенными, особенно Нина. Удивительное дело на фоне происходящих событий, когда они все ждут вылазки Марка и Бориса, когда даже предположить боятся, чем это закончится.

Нина застонала, и Диана улыбнулась. Самая младшая с раннего детства неотвязно ходила за Дианой — та была для нее идеалом. Диана часто таскала ее на руках. Кажется, Нина родную мать так не любила, как подружку своего брата.

Диана глянула на Адама.

— Почему твой папа так все запутал? Проще было писать обычными буквами!

— Тогда Марк узнал бы, что здесь написано.

Они помолчали.

— Нужно ли нам это? — спросила Диана. — Откуда твой отец знал, что нас ждет? Что появится проблема: покидать Башню или нет?

— Он предполагал. И ты знаешь... иногда он уходил на несколько дней. Может, он что-то знал? — Адам прилег рядом с Ниной. — Я больше не могу, Диана. Ты... не ложись, пока меня не разбудишь. Лучше не рисковать.

Они посмотрели друг другу в глаза. Причина была не только в Марке. Вчера они обсуждали эту тему. Оба помнили разговоры родителей о том, что раньше, до прихода в Башню, когда случилась Великая Катастрофа, люди стали умирать во сне, если их никто не будил. Когда родители спаслись, они смогли просыпаться уже сами, но эта напасть, пусть и бывшая, кажется, висела над ними еще долгие годы. Отец как-то сказал Адаму, чтобы тот прослеживал ситуацию с младшими братьями и сестрами. Мало ли...

До последних дней это предостережение казалось Адаму эфемерным, но вчера и позавчера он будил Нину и Тамару едва ли не к полудню, самого его вчера разбудила Диана, чего не случалось прежде ни разу. Если бы он их не разбудил? Как долго бы они спали? Проснулись бы сами, если бы по какой-то причине Адам и Диана оставили их?

Диана сказала:

— Не волнуйся. Кроме смерти во сне есть еще и Марк. Адам прикрыл глаза.

— Надо искать Стефана.

— Если он внизу? Где-то на стороне Марка?

Адам не знал, что ответить. Стефан прятался где-то в Башне, и Адам не мог уйти с сестрами и Дианой, оставив его. По книгам он знал, что в Мире До Воды люди нередко бросали своих близких ради выгоды, выбирая меньшее из зол, из практицизма или из мести, но для него все эти причины и чувства по-прежнему были не очень понятны. Их всего семеро, и если уж обстоятельства сложились так, что нужно разделить, оставить Стефана с Марком — большой грех, нежели убить его. Адам не сможет уйти, если не отыщет брата.

— Он где-то наверху. Как только выплусь, поищу его. Вы побудете без меня. — Он заглянул Диане в глаза: — Договорились?

Диана кивнула.

— Разбужу Тамару. Мне так будет спокойней.

— Разбуди.

Адам закрыл глаза, но заснуть ему не довелось.

Диана еще не растормошила Тамару, а тихий перезвон Колокольчика подсказал, что Марк нарушил их территорию. Устройство, которое создал еще дядя Грэг, после его смерти оставалось у Ивана, и тот передал его старшему сыну. Миниатюрный и практически незаметный радар с помощью передатчика подавал сигнал на Колокольчик — тот звенел негромко, но достаточно, чтобы его услышать.

Адам подскочил, схватил ружье — одно из двух, что остались от бывшего арсенала, который они волею судьбы «разделили» с Марком пополам: каждому по единице оружия. Он спустился в средний ресторан, который в Мире До Воды называли «Русский бриллиант», ставший в теперешней войне нервов водоразделом, буфером, ничейной территорией. Когда-то Иван и Грэг, их отцы, под воздействием только им известных мотивов переоборудовали систему вход-выход, внесли лепту в рамках «усиления безопасности», какой они ее видели. Винтовая лестница, соединявшая рестораны, здесь была обрушена, и подняться можно было лишь по маршевой лестнице, которую между нижним и средним ресторанами заделали блоками и кирпичом. Теперь, чтобы пройти рестораны, нужно было с маршевой лестницы войти в нижний, подняться в средний и лишь оттуда вернуться на маршевую лестницу.

Адам спешил, но не задел ни одного ящика, с помощью которых он создал узкие тесные проходы, не позволявшие противнику при входе в ресторан контролировать все его пространство. Адам ориентировался здесь, как на своем этаже, Марк пока не изучил эти защитные сооружения оппонента. Форса в потенциальной стычке была за Адамом, и Марк знал это.

Адам занял позицию поблизости от выхода на лестницу между «Русским бриллиантом» и «Юпитером». С помощью ящиков он устроил амбразуру, став практически недоступным для Марка, если бы тот рискнул стрелять. Адам восстановил дыхание за считанные секунды, улыбнулся, вспоминая отца. В раннем детстве отец часто занимался с Адамом: бег по лестницам, прыжки, подтягивания, плавание, лазание по канату. Это сказывалось, несмотря на то что после рождения Тамары — после рождения Нины тем более — отец уделял физической подготовке Адама гораздо меньше времени: пришло время интеллекта. Если в отношении силы Марк, будучи младше Адама почти на два

года, медленно, но верно брал верх, в ловкости и скорости Адаму не было равных. И не будет, даже когда разница в возрасте с Марком и Борисом станет не в счет.

Адам прижал приклад винтовки к плечу, замер. Он по-прежнему не был уверен, что выстрелит, если Марк поперет напролом. Даже если у него не останется выбора. Адам не хотел убивать Марка или тем более Бориса, а что бы ранить, стрелять точно, Адам сомневался, что сможет. Ни Иван, ни Грэг никогда не учили детей стрелять. И патронов было ограниченное количество.

Пару лет назад после одной из вылазок Иван привез игрушечный пистолет, стрелявший легкими резиновыми пулями, но тренировался Адам недолго. Возникали споры с Марком, ныл и канючил Борис, пулек было слишком мало, Иван попросту забрал игрушку, сообщив, что выбросил ее, дабы «не было искушения». Выкинул ли он игрушку на самом деле? Адам не был в этом уверен.

В поле зрения возникла голова Бориса. Он продвигался медленно, всматривался перед собой в лабиринт. Борис еще не видел Адама. Худощавый, похожий на Грэга, в такой же кожаной безрукавке, которую еще пару лет назад носил Марк. Тогда среди мальчишек это было «пиком моды», как смеялась теть Анна. Даже Стефан, увидевший Марка в безрукавке, на вопрос матери, хочет ли он такую же, загугукал. Борис с рождения боготворил Марка, неудивительно, что он встал на его сторону. Марк со своими выходками, неподчинением взрослым был для Бориса недостижимым идеалом. Тем, кем при жизни родителей и дяди Ивана и тети Евы Борис никогда не позволил бы себе стать. После смерти родителей Адама Борис осмелел. Он перестал подчиняться всем, кроме Марка. Борис не создавал проблем, но Марк, как громадный бульжник, брошенный в реку, затянул его в омут.

Жаль, в который раз подумал Адам. Останься Марк в одиночестве, возможно, теперешней ситуации бы не возникло. Марк нуждался в помощнике, и шестнадцати-

летний Борис, высокий и более чем развитый для своего возраста, составил ему неплохую пару. Вдвоем они представляли силу. И если опасения насчет сна верны, Марк и Борис смогут будить друг друга.

Борис сделал еще пару шагов, прислушиваясь к тишине в «Русском бриллианте», и Адам заметил у него в руках арбалет. Самодельный, но от этого не менее смертоносный, арбалет сделал Грэг с сыновьями. И если Марк остался к этому оружию равнодушным, Борис в арбалет влюбился. Немало свободного времени он проводил за стрельбой из этого приспособления. Одно время вокруг Бориса крутилась Нина, но она еще физически не могла долго удерживать оружие и стрелять, к тому же Иван запретил ей этим заниматься.

Адам осознал, что с детства большинство занятий мальчиков, исключая Стефана, казалось, были направлены на подготовку к будущему противостоянию. Они тренировались и готовились так, словно знали, что им предстоит. Их семьи жили в мире, вокруг никого из людей не было, но, оглядываясь назад, Адам не мог не признать этот парадокс: все их прежние действия были связаны с тем, что происходило сейчас.

Борис немного продвинулся и стал мишенью для Адама.

— Стой на месте, — Адам, подтверждая угрозу, передернул затвор. — Не двигайся.

Борис замер. Лицо исказилось, но он пытался контролировать себя, несмотря на испуг. Где-то за ним был Марк, с винтовкой. Так выходило, что среди их противников вооруженным мог быть только один.

— Послушай его, Борис, так и быть, — голос Марка.

Адам всматривался за спину Бориса, но Марк не появился.

— В одной книге я читал, — заговорил Адам, — что в Мире До Воды в битвах использовали заградительные отряды и штрафные батальоны. Людей, которых считали хуже всех, толкали в бой первыми, на верную смерть.

— Ты читал слишком много книг.

— Точно так же ты толкаешь первым своего родного брата. И укрываешься за его спиной.

— Что ты говоришь, — Марк выдавил смешок. — Он сам первым пошел. Так что... заткнись, ублюдок!

— Сейчас вы развернетесь и уйдете отсюда. И больше не будете нас беспокоить. Не хотите жить вместе, в мире... в Башне всем найдется место.

— Я знаю, почему ты так не вовремя оказываешься у нас на пути, — казалось, эти слова Марка были продолжением совершенно иного разговора. — Ты здесь ни при чем. Тебе помогает такое маленькое приспособление, и сделал его мой папаша.

Адам смахнул каплю пота, норовившую угодить в глаз. Он не удивился, что Марк знал про Колокольчик и догадался, что противник использует его.

— Уходите! Сам всегда твердишь, что болтовня ни к чему!

— Если не уйдем? Если я скажу Борису, чтобы он шел, не останавливаясь? — пауза. — Убьешь его? Диана тебе этого не простит. Это и ее брат тоже.

— Я защищаю Диану от тебя, — Адам постарался, чтобы его голос звучал ровно, уверенно. — Если Борис на твоей стороне, значит, и от него тоже. Проваливайте! Сомневаешься, что я выстрелю? Давай проверим!

Тишина. Слабое дыхание испуганного Бориса. Он оказался меж двух огней, и эта ситуация становилась с виду все более неразрешимой.

— Отдай мне Диану! — заорал Марк.

Адам вздрогнул. Он был уверен, что Марк несется на него, и приготовился стрелять, но напрасно — Марк не появился.

— Отдай мне мою сестру, ублюдок! Она — моя! Отдай хотя бы ее, или я заберу твоих сучек!

Он бесновался, но осторожности при этом не терял. Конечно, он не был уверен, что Адам не выстрелит.

— Уходи, — Адам говорил устало, казалось, этот психологический напор Марка высасывал из него силы. — Ты все равно ничего не получишь.

— Давай рассуждать здраво, — голос Марка зазвучал противоестественно спокойно, это пугало больше крика. — Мы перекрыли вам доступ к «полям». И к главным, и к тем, что в «Юпитере». Да, вы благополучно затарились, но еда рано или поздно кончится. И что вы будете жрать?

Адам покачал головой. Когда он решал, что знает Марка уже достаточно, тот все равно удивлял его.

— Как ты правильно заметил, едой мы затарились. В холодильнике гораздо больше, чем ты думаешь. Проблема в том, что ты никогда не интересовался хранением и подготовкой запасов. Тебе только кажется, что скоро мы начнем голодать.

— Я буду ждать месяц! Год, если понадобится! Я вас оттуда выкурю!

— «Поля» захиреют, ты не сможешь поддерживать их постоянно и осаждать нас. Опомнись, Марк!

— Заткнись, ублюдок! Я заберу девок у тебя! Вместе с Дианой! И ты пожалеешь, что родился на свет.

Адам хотел ответить, но осекся из-за громыхнувшего выстрела. Пуля угодила в коробку недалеко от Адама. Борис пригнулся, попятился, лицо исказилось от страха. За спиной Бориса возник Марк, и Адам понял, что успеет выстрелить, если пожелает. Он промедлил, и Марк исчез, ругаясь, стукнул ногой в стену, завывая как раненый обезумевший зверь. Быстро отступил Борис.

Адам ждал. В прошлом Марк поражал его своей хитростью и вероломством. Это могла быть хорошо обставленная, выверенная и подготовленная уловка. Даже страх Бориса на лице мог быть частью плана. Адам решил, что выйдет не менее получаса.

За спиной послышался шорох, Адам уловил запах Дианы. Несмотря на неуместность и опасность, которая не ушла, Адам почувствовал возбуждение.

— Они ушли? — прошептала Диана.

— Вроде бы.

Они молчали, прислушиваясь к тишине.

— Что нам делать с твоим братцем? Как думаешь?

Диана ответила не сразу, и ее голос переполняла грусть.

— Лучше с ним ничего не делать. И сделать, как планируешь ты. Покинуть Башню.

— Как? Он нас не пропустит. Он выстрелит в любого из нас. Как его обойти?

— Не знаю, Адам.

Адам медленно взбирался в верхнюю часть Башни. Ветер трепал его волосы, солнце слепило, и Адам щурился. Вокруг расстилалась водная гладь с серыми островами торчащих из воды высоток. Они казались игрушками, чем-то ненастоящим. Реальной выглядела только Башня.

Он проверил аппаратную и другие технические этажи, один из которых давным-давно превратили в место для тренировок. Все их прежние названия, которые Адам читал на схемах, ему ни о чем не говорили, он просто запомнил их со слов отца. Он взбирался по лестнице, снаружи антенной части Башни, заглядывая внутрь, в узкую штольню на каждой площадке, которые располагались друг над другом на высоте примерно метров двадцати пяти.

Несмотря на тщательный, дотошный осмотр, Адам подозревал, что пропустил Стефана. Брат мог слышать его шаги, решить, что это Марк, и затаиться. Проверить все было нереально. Стефан мог спрятаться даже в антенной части, которую на первый взгляд можно проверить с легкостью.

— Где же ты? — пробормотал Адам, не ожидая ответа.

Мысленно он отвлекался на то, что произошло внизу, на смотровой площадке. Несколько фраз Нины вынудили посмотреть на проблему зашифрованной надписи под иным углом.

Когда Адам и Диана вернулись наверх, Нина уже не спала. Как и просила Диана, Тамара разбудила самую млад-

шую, и они на всякий случай укрылись чуть выше смотровой площадки в трансформаторной, превращенной еще до рождения самых младших из Семи в склад различных вещей. Нина часто строила там себе детские домики из покрывал, накинутых на низкий и узкий столик, и, забравшись внутрь, проводила там немало времени. Ей нравилось, что помещение заставлено вещами и свободного пространства практически нет.

Однажды Иван сказал непонятное слово «агорафобия». Адам нашел в одной из книг пояснение, но так и не понял до конца, как такое может быть с человеком, понял только, что с Ниной вне Башни нужно быть особенно внимательным. Она была единственным из детей, кто ни разу не покидал Башни. Когда отец попытался вынести ее ради прогулки на катамаране, она устроила жуткую истерику, и мать ее забрала. Позже, когда отец предложил ей выйти наружу, Нина попросту сбежала, ее пришлось искать. Больше к ней с подобными предложениями не обращались. Нельзя сказать, что, например, Тамара или Борис любили бывать вне Башни, но со страхом Нины это не шло ни в какое сравнение. До сего момента Адам не задумывался, что будет с самой младшей из Семи, если они все же покинут Башню, но подумать стоило.

Нина была необычным ребенком. В какой-то степени по странностям она немногим уступала Стефану, но Стефан родился больным, Нина же по многим параметрам была нормальным ребенком. Адам любил ее по-особому — она же самая маленькая. Но иногда эта малышка замечала вещи, которые оставались вне поля зрения старших. Перед смертью отца Адам однажды застал его что-то шепчущим Нине. Та, насупившись, смотрела в одну точку. Затем она расплакалась и убежала. На вопрос Адама, что с ней, отец не ответил, и Адам не настаивал.

Собираясь на поиски Стефана, Адам перекинулся парой фраз с Дианой — она в одиночку будет контролировать вход в «Русский бриллиант» — и произвольно еще

раз всмотрелся в шифр, развернув бумажки отца. Нина жевала бутерброд рядом с ним. В широком бесформенном сарафане, напоминавшем балахон, который она носила постоянно, невысокая и белокожая, Нина казалась больной, но таковой не являлась. Она заглянула в бумажку.

— Это тебе дал Стефан?

— Папа оставил.

Ответив, Адам осознал смысл вопроса. Он медленно поднял голову, заглянул Нине в глаза. Она перестала жевать, глядя на бумажку, на Адама. В глазах было странное выражение. Адам заметил, что Диана тоже следит за самой младшей.

— С чего ты взяла, что бумажку дал мне Стефан?

Адам старался говорить мягко, без нажима, так, словно ответ не имел значения. Нередко Нина терялась, даже пугалась, если кто-то из старших требовал от нее ответа, даже если ее не ругали, а проблема была пустяковой. Лабиринты ее психики были неподвластны даже родителям, и ответы, которые могли нести интересную информацию, появлялись невообразимым образом.

Наученный опытом, Адам решил потратить минуту-другую, но покопаться в том, что могла знать Нина, нежели упустить что-то нужное. Он отвернулся, чтобы не смущать Нину, снова уткнулся в бумажку с шифром.

— Стефан писал цифры. Я видела.

— Цифры? — Адам по-прежнему смотрел в бумажку. — Разве Стефан умел писать цифры?

— Он писал цифры. Я видела два раза.

Рядом с Ниной присела Диана, приобняла ее и улыбнулась.

— Заинька, ты уверена? Потому, что Адаму эту бумажку передал ваш папа.

— Не знаю. — Нину передернуло, как от дрожи.

Диана погладила ее по спине.

— Все хорошо, не волнуйся. Цифры могут писать все. Одни писал Стефан, другие — твой папа. Цифры так похожи.

Пауза. Адам решил, что разговор окончен и из Нины уже ничего не вытянешь, но она его поразила:

— Нет, он писал их по-другому.

— Кто? Стефан?

Нина кивнула и, казалось, захотела сжаться. Адам коснулся плеча Дианы, знаком попросил ее остановиться. Лучше на Нину не давить. Спустя минуту Нина принялась за остатки бутерброда. Адам отвел Диану в сторону, и они решили, что пока его не будет, Диана выдержит паузу, осторожно продолжит расспросы.

Адам взобрался на предпоследнюю площадку. Почти четыреста восемьдесят метров высоты, если считать за нулевую отметку землю под водой. Ширина площадки чуть больше метра. Адам прислонился спиной к стене, свесил ноги, перевел дыхание. Если глянуть вниз, несмотря на захватывающую дух пропасть, голова у Адама не кружилась. Он попросту не был этому подвержен, в отличие от других детей. Высота ему нравилась, но даже Марк со своим стремлением доминировать крайне редко составлял Адаму компанию на верхних площадках.

Адам оглянулся на дверь. Дыхание не восстановилось, и он решил выждать еще минуту-две. Мысли вновь обратились к Стефану. Он писал цифры по-другому? Что бы это значило?

Адам попытался заново проанализировать, что ему известно о брате. Стефан не говорил, но почти все понимал, правда, он часто бывал в своих прострациях, именно эти трансы дали толчок к насмешкам маленького Марка. Кажется, только мать понимала Стефана без жестикуляций и гугуканья. Остальные прилагали усилия, чтобы понять его самые простые ответы. Иногда жестов было достаточно, иногда — нет, но это воспринималось спокойно. Адам догадывался, что такой человек, как Стефан, вызывал бы гораздо больше негативного внимания и отторжения, живи он в большой группе людей, «социум», как называлось это в книгах. Но в маленьком коллективе из одиннадцати

человек он воспринимался почти естественно. В Башне все было под рукой, взрослые заботились о детях, у Стефана не могло возникнуть ситуаций, когда необходимо объяснить что-то серьезное человеку, которого ты не знаешь.

Адаму послышался какой-то смутный звук. Он глянул вниз, посмотрел на дверь. Померещилось? Адам встал, распахнул дверь в антенную часть. Узкая шахта уходила вниз. Никого. Адам собирался закрыть дверь и взобраться на последнюю площадку, которая располагалась на высоте свыше пятисот метров, но его остановили две вещи.

Знак, вырезанный чем-то острым на внутренней стороне стены.

И веревка, завязанная на поручне, тянувшаяся вниз, во тьму антенной части Башни.

Стефан поморщился — в руках усилилась боль. Она нарастала, но все еще казалась приглушенной. Боль сосредоточилась где-то в ладонях, медленно распространяясь к локтям, плечам и к сердцу.

Когда Стефан спустился с предпоследней площадки по веревке, руки кровоточили, и он оказался перед распахнутой дверью на балкон метеослужбы. Высота — триста семьдесят пять метров, по веревке Стефан спустился едва ли не на сотню метров. Точных цифр Стефан не знал, но каким-то одному ему известным способом он «чувствовал» расстояние. За считанные минуты он преодолел почти пятую часть всей Башни.

Он стоял, по-прежнему сжимая веревку израненными руками, хотя логичней было убрать их, но Стефан этого не сделал. Он «видел» человека, который спускался по веревке рядом с ним, как если бы на расстоянии вытянутой руки была еще одна такая же штольня, узкая и темная. В полумраке рассмотреть человека было нелегко, но Стефан и не стремился к этому. Он пытался «нащупать» все пласты происходящего. В отличие от большинства предыдущих похожих случаев его отвлекала боль в ладонях.

Как и раньше, Стефан не знал, видит ли он то, что происходит сейчас, еще произойдет или уже происходило. Как обычно время для него было перемешано. Эта его странная, жуткая, но изредка приятная ноша, сопровождавшая его с самого рождения, сегодня приоткрыла для него свою неизвестную доселе сторону. Обычно Стефан всего лишь наблюдал — любовался увиденным, страшился его, восхищался или оставался спокоен, но сегодня он действовал.

Он лишь сейчас осознал, что совершил. Он игнорировал лестницы во время спуска, лишь контактировал с перекладинами ногами, чтобы не удариться. Зачем он это сделал, если дело не в скорости?

Чтобы использовать веревку.

Стефан посмотрел на прочный пеньковый трос и вспомнил, что поднимался вместе с веревкой, намотанной на одну руку. Он нашел ее над ресторанами, на этаже, где был склад разных вещей, Нина любила устраивать там домики. Стефан нашел трос и под действием странного импульса полез на самый верх Башни.

Использовать веревку.

Стефан всмотрелся в лицо человека, который спускался по такой же веревке рядом. Несмотря на полумрак и на то, что лица его Стефан не видел, напряжение и страх человека он уловил, как если бы заглянул ему в глаза при ярком свете. То, что Стефан стоял и смотрел, а человек спускался, при этом находясь на том же уровне, Стефана не смущало. Как и время, Стефан по особому «чувствовал» расстояние. И никогда не смог бы объяснить, как он что-то видит.

Еще в детстве это было стопором в играх с сестрами и братом, тем более с детьми Грэга и Анны, как и в общении с родителями. Они просто не понимали, если даже Стефану удавалось объяснить знаками, что он хочет сказать. Если он сам не понимал, что происходит сейчас, что произойдет позже, как он мог объяснить это постороннему человеку? Эта жуткая путаница времен лишь внесла бы смуту в души детей, и посему Стефан отмалчивался. Как

жонглер шарами, Стефан забавлялся мысленной игрой-перестановкой событий. Он не пытался вникнуть, к какому временному промежутку относится увиденное событие.

Спускавшийся по веревке человек исчез, и Стефан, помедлив, убрал руки от веревки. Боль резко усилилась, Стефан застонал. По рукам сочилась кровь. Он выполнил то, что от него требовалось, во всяком случае, веревку нашел, поднялся на предпоследнюю площадку, сумел ее прочно завязать, чтобы не сорваться, спустился. Что-то смутное мелькнуло на периферии сознания, и Стефан замер, прикрыл глаза. Точно, он сделал что-то еще — иногда во времени бывали небольшие «провалы», и Стефан был не в силах вспомнить, что происходило в такие моменты. Чаще всего ничего не случалось, Стефан просто сидел или стоял и смотрел в одну точку, не мигая. Сегодня же он что-то сделал.

Любой другой на его месте испытал бы вполне объяснимое любопытство и, наверное, вновь забрался бы наверх и все выяснил, но для Стефана любопытства не существовало. Возможно, это была нормальная защитная реакция, иначе его способности смешивать времена и видеть невидимые для других картины вкупе с любопытством свели бы его с ума и убили бы еще в детстве.

Стефан осмотрел руки, решил, что их нужно перевязать, и пошел к лестнице. Оставлять следов ему нельзя. Где-то в Башне по-прежнему находится Марк.

2

ПОЕДИНОК

Адам задержал взгляд на знаке и быстро начал спуск. Он пытался спускаться по веревке, но ладони так быстро нагрелись, трение перешло в жгучую боль, что от этого пришлось отказаться.

— Стефан? Это я, Адам!

Он позвал брата всего раз и решил беречь дыхание. Он нагонит его. В антенной части Башни все еще пахло Стефаном. Пока Стефан не убежал, его иногда купали, но сейчас он, кажется, вовсе не стремился соблюдать чистоплотность, он ее и раньше-то не очень соблюдал. Он был здесь совсем недавно, наверное, считанные минуты назад. Крики лишь вспугнут его.

Адам перебирал ногами и руками, прислушиваясь к тишине под собой, перед глазами вставал знак: шестиугольник или шестиконечная звезда — Адам вспомнил его по одной из книг. Звезда Давида? Или это всего лишь два наложенных друг на друга равноценных и равносторонних треугольника? Кажется, знак означал не только Звезду Давида, у него было много значений в Мире До Воды. Самым странным было не это. Кто его там начертил? Стефан? Это казалось неправдоподобным. Зачем ему это? Откуда он вообще может знать этот знак?

Адам достиг последней площадки, на которой антенная часть заканчивалась, убедился, что она пуста, поспешил ниже, но на лестнице остановился. На полу была кровь. Немного, несколько крупных пятен, но запах был силен — свежая кровь. Стефан ранен? Что с ним? Марк до него добраться не мог. Эта мысль несколько успокоила.

Адам проверил аппаратную и технические этажи. Все, как и час назад. Вновь следов Стефана он не нашел. На этот раз он проверял более настойчиво, уверенный, что Стефан не пойдет ниже, к ресторанам, останется где-то на этих этажах.

Тщетно. Стефана не было. Адам, встревоженный, вошел на смотровую площадку. Первое, что он увидел, было напряженное лицо Нины. Тамара, вооруженная дубинкой, стояла у выхода на лестницу.

— Где Диана?

— Колокольчик, — сказала Нина. — Он звякнул, и Диана пошла вниз.

— Только не это... — Адам поспешил следом за Дианой.

Он застал ее на своем прежнем месте, у амбразуры. За-

стывшая, она стояла, уперев приклад в плечо. Адам приблизился к ней.

— Где они?

— Никого нет.

Молчание.

— Давно звучал Колокольчик? — прошептал Адам.

— Не знаю... Мне кажется, я тут вечность.

— Не переживай, все нормально. Я рядом.

— Мне кажется, они специально нас дергают. Чтобы мы вымотались.

— Хотят застать нас врасплох?

— Нет, просто доводят. Ты нашел Стефана?

— Нет. Но нашел кое-что другое. Непонятное.

Она ничего не сказала, но посмотрела, отвлекшись от амбразуры.

— Знак. И веревка. Она висела, прикрепленная, в антенной части. Кажется, Стефан по ней спустился.

— Что?

— Я тоже не понимаю, зачем он ее привязал, но это факт. Он поранил о веревку руки, я видел кровь.

После небольшой паузы Диана отозвалась:

— Как ты это объяснишь?

— Не знаю. Диана, мне надо снова взглянуть на знак. На шестиконечную звезду.

У нее задрожали руки.

— Не очень-то хочется опять стоять тут одной. Где-то рядом Марк. Он безумен, я его боюсь.

Адам колебался. Оставлять Диану одну, во второй раз, он не хотел, тем более Марк поблизости и вновь совершил попытку проникнуть на их территорию, но знак рассмотреть надо.

— Черт, я не знаю, — прошептал Адам. — Кто-то из нас должен здесь остаться.

Диана не ответила. Адам не уходил, и она успокоилась. Время шло. Они прождали не меньше получаса, потом час. Ничего. Тихо. Как по команде они переглянулись.

— Сможешь побыть без меня? — сказал Адам. — Я пришлю в помощь Тамару.

— Не надо оставлять Нину одну.

— С Ниной ничего не случится, но тебе будет легче. Я быстро. Мне почему-то кажется, что там этот знак неспроста. Может, он был там давно.

Они обнялись, Адам поцеловал ее.

— Где же Стефан? — спросила Диана. — Если его нет выше, куда он делся?

Адам смутился. Это выглядело необъяснимо.

— Ладно, может, найдется. Жди. Сейчас придет Тамара. — Он сделал шаг, обернулся. — Диана?

— Что?

— Стреляй, если он не остановится. Не вздумай его щадить.

Помедлив, она кивнула. Он через силу улыбнулся.

— Он не оставляет нам выбора.

Адам поднялся в верхний ресторан, убедился, что там все по-прежнему.

— Чего так долго? — спросила Тамара.

— Мы ждали. Но все тихо. Тамара, ты пойдешь к Диане. Чтобы ей было спокойней.

— А ты?

— Мне надо наверх. Я быстро. Проверю кое-что.

— Ладно. А Нина?

Адам посмотрел на младшую.

— Нина спрячется в своем домике. Я проведу ее туда.

Тамара с дубинкой двинулась к выходу. Адам посмотрел ей вслед и будто увидел сестру в новом свете. В широких штанах-шароварах, в жилетке, чем-то напоминавшей кожаную безрукавку Бориса, Тамара выглядела амазонкой, готовой сражаться за свое племя. Он осознал, что никогда прежде не испытывал к ней таких чувств, как к младшей или к Стефану. Нет, он ее любил, был готов отдать за нее жизнь, как учил отец, Тамару он никак не выделял, но такой нежности, как к Нине, не было. Тамара выглядела слишком

отстраненной и холодной. Слишком себе на уме. И в ней было слишком много от мужчины, если принять теорию, что каждый человек несет в себе и мужское, и женское.

— Ты идешь? — подала голос Нина. — В мой домик?

Адам обнял ее, потрепал по волосам.

— Да, иду. А ты...

Его прервал жуткий звук. Протяжный вибрирующий вопль. Он шел откуда-то извне, но это могло быть ошибочное восприятие. Скорее всего, звук раздался где-то в глубине Башни.

Тамара замерла у входа, оглянулась, и Адам увидел в ее глазах страх. Рукой он почувствовал дрожь Нины. Звук слышался вновь, поморщился сам Адам. Это не мог быть крик человека, но тогда приходилось допустить, что в Башне есть кто-то еще.

Как слабый отголосок ирреального вопля зазвенел Колокольчик.

Нина заплакала. Адам засуетился: бросился к Тамаре, вернулся к Нине, подхватил бумажки с шифром, сунул их младшей сестре, подтолкнул ее к другому выходу.

— Прячьтесь наверху. Быстро.

Адам выхватил дубинку у Тамары, спустился вниз. Первое, что бросилось в глаза, была целившаяся в амбразуру Диана. Адам открыл рот, но не успел сказать ни слова.

Раздался выстрел.

Грохот заполнил все вокруг. Адам бросился к Диане. Поверх ее плеча через амбразуру он заметил, как нечто движется на них сквозь узкий проход. Слабость в ногах длилась секунду.

Адам увидел металлическую панель, которой, как щитом, прикрывался Марк. Он сжался за прикрытием и немолимо приближался, недостижимый для выстрелов. Где-то за ним мелькнула голова Бориса, но тут же исчезла.

— Стреляешь в меня, ублюдок?! — заорал Марк. — И как? Получается? Выкуси, урод!

Диана выстрелила еще раз.

Адам видел, как ударная сила пули вынудила Марка вздрогнуть и попятиться. Он вскрикнул, возможно, от боли или от ярости, снова пошел вперед. Кажется, он был готов к рукопашной, и Борис наверняка ждал, когда понадобится его помощь.

Адам огляделся. Выбрал ящик, попытался его приподнять, но тщетно. Он уперся в него, сдвинул, подтолкнул к одному из узких проходов, через которые можно обойти укрытие с амбразурой. Надо закупорить проходы! Почему он не подумал об этом раньше?

Он не ожидал, что Марк использует щит. Сукин сын оказался находчивым.

Адам вставил ящик в узкий проход, обернулся, отыскивая такой же для другого прохода. Диана выстрелила в третий раз. Марк выругался, едва не выронив щит.

Адам выбрал тяжелую металлическую коробку, кое-как сдвинул ее, уперся ногами в пол, подтянул ее на полметра к проходу справа от укрытия и понял, что пауза необходима. Тяжело дыша, он выглянул, заметил, что Марк остановился, почему-то присел, сжавшись. Щит он уже не держал, просто прислонил его к себе. Кажется, он приложил руки к голове. Что он делает? Ранен? В любом случае пауза кстати, и Адам уперся в коробку.

Вопль, вырвавшийся из глубины Башни, казалось, физически пнул Адама, и он повалился на пол рядом с коробкой. В уши будто вставили толстые иглы, не очень острые, но достаточно болезненные. Застонав, произвольно закрыв уши руками, Адам осознал, что закричала Диана.

Она выронила ружье, с искаженным лицом опустилась на корточки, зажимая уши руками. Она уже не контролировала подступы сквозь амбразуру, и Марк мчался к их укрытию. Адам вскочил, хватая дубинку, и осознал, что Марк ждал этого звука — знал о нем. Он потому и присел, чтобы зажать уши руками. Какого черта они там

придумали с Борисом? Или они ни при чем? Но кто, если не они?

Размышлять было некогда — Марк оказался в считанных шагах от правого прохода. Адам встал рядом с сидящей на корточках Дианой, размахнулся дубинкой.

Он нанес удар интуитивно. Может, не выдержали нервы, и он не рискнул выглянуть, чтобы видеть, где Марк. Удар пришелся ему в щит, и Марк, не ожидавший этого, заорал, повалившись на пол, но щит не выпустил. Адам не собирался стрелять в него, он взялся за коробку, быстро закупорил правый проход.

Марк, не прекращая орать, подскочил, бросился на укрытие. Стена из металлических — одни полупустые, другие нет — коробок с разным барахлом вздрогнула: Марк вонзился в нее, прикрывшись в момент удара щитом. Он отскочил, разгоняясь.

— Уходим! — Адам подхватил с пола ружье, потянул Диану за собой.

Запасной рубеж на выходе из ресторана гораздо слабее, но Адам понял, что выбора нет, лучше отойти сейчас, пока Марку придется возиться с предыдущим укрытием. Судя по тому, с каким остервенением он бросался на стену, отступать он не собирался. Придумав способ нейтрализовать выстрелы, Марк получил преимущество.

Стена из коробок вздрогнула, верхняя коробка сместилась, накренившись. Еще один удар — и она слетит на пол.

— Помоги мне!

Адам толкнул высокую прямоугольную металлическую емкость, она пошатнулась, но не упала. Диана с трудом приходила в себя, пытаясь осмотреться. Адам толкнул емкость снова, она с грохотом повалилась, перекрывая проход.

— Иди к девчонкам! — Адам встал на колено, уперев приклад в плечо. — Прячьтесь!

Диана прижалась к его спине.

Марк ударился с разбегу в стенку. Верхняя коробка повалилась на пол. Марк издал радостный вопль.

— Вам конец!

Адам повернулся к Диане, заглянул ей в глаза.

— Уходи! Ты ничего не изменишь. Не смогу удержаться — отступлю.

— Я не брошу тебя!

— Прошу.

Очередной удар. Еще одна верхняя коробка упала, и Адам увидел злорадную физиономию Марка. Он прицелился, но Марк прикрылся щитом, отступая, чтобы нанести очередной удар. Мелькнула голова Бориса, но он быстро исчез в укрытии.

У Адама дрожали руки, как если бы он держал их поднятыми уже полчаса. Чувствовал он себя с ружьем неуверенно. Проблема с патронами когда-то вынудила отца прекратить едва начавшиеся тренировки по стрельбе, хотя, как подозревал Адам, главная причина была не в этом. Отец хотел исключить использование и распространение оружия в Башне. Он знал, чем это закончится.

Марк застыл на месте вместо того, чтобы атаковать, и Адам догадался, что сейчас произойдет. Скорее интуитивно, чем по движениям резко опустившегося и сжавшегося за щитом Марка.

Он обернулся к Диане:

— Закрой уши! Быстро!

Она подняла руки к ушам. Адам, выронив ружье, сделал то же самое, успев в последнее мгновение уловить частичку этого жуткого звука — будто гвозди засунули в уши. Адам с трудом подавил желание помассировать ушные раковины, нужно выдержать паузу, иначе будет еще хуже. Он все равно слышал звук, но с закрытыми ушами звук был гораздо слабее и, самое важное, не причинил боли, как в первый раз.

Адам посмотрел на Марка и по тому, как тот поднялся, понял, что звуковая атака позади. Но впереди иной удар. Адам подхватил ружье. Прикрываясь щитом, Марк ударом спихнул еще одну из коробок. Он мог перебраться через

ставшую невысокой преграду, но не рискнул — он бы наверняка открылся, перелезая. Марк попытался сдвинуть одну из коробок, которыми Адам закрыл проходы по краям.

Адам не выдержал: выстрелил. Марк повалился, с трудом удержав щит. Но это ничего не меняло. Марк рвался вперед, не останавливаясь ни перед чем, даже перед собственной смертью. Адам осознал, что лишь зря тратит патроны, но ожидать, ничего не предпринимая, он был не в силах.

Марк, пригнувшись, сдвинул коробку справа от бывшего укрытия Адама. Еще немного. Ему было тяжело, но, заывая, подбадривая себя и проклиная Адама, Марк освободил проход.

Возникла пауза — Марк запыхался. Он стоял, едва удерживая щит, и Адам решил, что настал подходящий момент для контратаки. Лучшего не будет. Адам встал, шагнул вперед, сжимая ружье. Марк заметил его маневр. Дрожащей рукой он перехватил свое ружье, открываясь, едва не роняя щит. Нервы Адама не выдержали, и он отступил — в отличие от противника у него не было щита. Он мог рискнуть и выстрелить в Марка, но расстояние показалось слишком большим. Если он промахнется, второй попытки он не получит, но отступать будет поздно.

— А-а! — Марк взвыл. — Выкуси, ублюдок!

Марк выстрелил, не целясь. И промахнулся, хотя Адам почувствовал, как всколыхнулся воздух от пролетевшей пули. Сзади выбило цементную крошку из стены. Вскрикнула Диана.

Адам бросился к ней, увлекая за угол, к лестнице.

— Уходи! — он толкнул ее, и на этот раз она подчинилась.

Адам прижался плечом к стене, ожидая появления Марка. Уйти вместе с Дианой? Он отказался от этой идеи. Наверху ничего не готово: ни укрытия, ни иных вариантов задержать Марка. Остается рукопашная. Главное,

нейтрализовать ружье, на близком расстоянии это возможно.

Руки стали скользкими от пота. В ближайшую минуту решится, кто из них двоих останется в живых. Как же сестры с Дианой? Кто им поможет? Адам отогнал эти мысли. Надо сосредоточиться на другом.

Внезапно Адам понял, что Марк затих, атака прервана и Диана — он оглянулся, убедившись, что не ошибся, — возвращается. Она уходила, но тишина вынудила ее остановиться. Прошла минута, ничего не изменилось. Марк отступил? Сдали нервы? Просто выдохся?

Адам застыл. До него донесся странный запах — травяной аромат.

Адам не поверил тому, что уловило его обоняние. Откуда этот запах? И еще тихий-тихий звук. Понять, что его порождает, Адам не смог.

Он втянул воздух. Память вернула ему моменты из детства, когда он наблюдал за возней Тамары — она с рождения любила экспериментировать с растениями, если их удавалось добыть. Это было ее отличие — интерес к любой зелени, годной в пищу или с иным предназначением. Резать, мельчить, смешивать, настаивать, сушить и много других способов обработки.

Сегодняшний запах напомнил тот давний аромат мяты с примесью чего-то горько-сладкого.

Сонливость атаковала его с силой удара о землю, если падать с высоты. Адам привстал, ощутив невероятную слабость, покачнулся. Схватившись за стену, он встал на обе ноги, но понял, что это ничего не изменит. Он засыпал, и ничто не смогло бы остановить этот неведь откуда взявшийся сон.

Адам оглянулся, на это понадобилось невероятное усилие. Диана еще стояла на ступеньках и рассматривала его, растерянная, испуганная. Она сделала шаг к нему, и Адам вяло взмахнул рукой.

— Сонный газ... Меня усыпили... Не подходи...

Диана подчинилась, осознав, что, скрывшись, она еще сможет вернуться и помочь Адаму, в противном случае окажется такой же беззащитной.

Адам понял, что слова вырвались прежде, чем он обдумал, что именно говорит, но он оказался прав. Его усыпили. Марк и Борис приготовили еще один неприятный сюрприз, и в отличие от щита средство было для нападения, не защиты.

Адам съехал по стене на пол, повалился на бок. Голова его оказалась на полу, и теперь угол не заслонял от него происходящее в заставленном коробками и ящиками ресторане.

Марк — Адам узнал его по одежде — выглядывал из-за разрушенного укрытия в каком-то жутком предмете на голове. Противогаз! Кажется, так отец называл эти вещицы. Они предназначались для того, чтобы не дышать отравленным воздухом. Марк предусмотрел и это. Адам услышал его приглушенный смех. Подонок радовался, как ребенок, получивший новую игрушку.

— Борис, наш убудок спекся, как пирожок! — крикнул Марк брату.

Он обошел коробку, медленно сближаясь с неподвижным противником. Адам пытался не уснуть. Страх не было, ничего не было — все забрала эта неравная и тщетная борьба со сном. Марк отшвырнул палку с опухалом, и Адам смутно догадался, что именно этот предмет издавал тот тихий-тихий звук — Марк гнал опухалом сонный дым в сторону Адама.

Адам закрыл глаза, но резкий приглушенный кашель вынудил его открыть их. Марк схватился руками за противогаз — у него возникли какие-то проблемы. Он задыхался.

— Что за хрень!

Марк сорвал противогаз. Лицо багровое, потное. Он закашлялся, хватая ртом воздух. Кашель оставил его, кожа лица стала прежнего цвета, в глазах появилось сонливое выражение.

— Вот ублюдок...

Адам не слышал этих слов — он уже спал. Марк сделал шаг, другой, колени дрогнули, подогнулись. Он уперся руками в ящик, оказавшийся на пути, но выпрямиться уже не смог. Он глотнул сонного газа, и ненависть к заснувшему Адаму ничего не могла изменить. Он угодил в ту же ловушку, в какую загнал своего врага.

Бормотание стало невнятным, и Марк развалился на полу рядом с ящиком. Тишину «Русского бриллианта» нарушало лишь дыхание двух спящих людей.

Спустя минуту к Марку приблизился напряженный, растерянный Борис. Слабый запах мяты все еще чувствовался в помещении, но он слабел и уже не представлял опасности. Борис всмотрелся в лицо Марка, перевел взгляд на Адама. Такого он не ожидал — Марк вырубился, как и Адам. И что теперь делать? Он потряс Марка, тот даже не застонал. Борис сделал еще две попытки, вспотел, запыхавшись, но тщетно. Борис помнил утверждение Марка, что человека, вырубившегося от запаха сонной травы, не разбудит никакой вопль. Не сразу точно.

Борис, поколебавшись, подошел к Адаму. Лицо у того было умиротворенным, казалось, Адам вот-вот откроет глаза и улыбнется Борису. Смутное желание пнуть беззащитного врага рассеялось. Борис попятился, возвращаясь к Марку. Его нужно разбудить. Борис не знал, что он должен делать в такой ситуации, но знал, что время не ждет. Сестры Адама могут вернуться, где-то поблизости бродит этот дурачок Стефан, и Борис, оказавшийся в одиночестве, почувствовал себя неуверенно. Они вернутся за Адамом, сомнений нет. Но что они сделают с беззащитным Марком? Борис взял ружье, повертел его в руках и со страхом осознал, что выстрелить не сможет.

Не в Нину же палить! Или появится одна Диана? Марк говорил, она неплохо владеет рогаткой — пуляет дай бог. В любом случае справиться с тремя фуриями — ладно, с двумя: Нина не в счет — нереально.

Борис схватил Марка за ноги, потащил прочь. Он одолел всего пару метров, скрыв спящего за ящиком, но запыхался так, что понадобилась пауза. Он сел на пол, глядя в лицо Марка, на которого перемещение не произвело никакого воздействия. Тот же мертвый сон.

Борис услышал шаги на лестнице.

Диана спешила. Тамара шла за ней на некотором расстоянии — Диана настояла, чтобы она не страховала ее, а просто наблюдала, что случится, чтобы знать, как действовать дальше.

Диана, как и Тамара, не знала, что за ними идет Нина, несмотря на то что ей было сказано спрятаться в одном из своих домиков.

Диана втягивала воздух, останавливаясь через каждые пару метров. Она почувствовала слабую концентрацию мяты, резко остановилась, попятилась. Запах исчез, и Диана сделала пару шагов. Она старалась дышать как можно меньше, чтобы ее не услышали прежде, чем она увидит Марка или Бориса, плюс страховка от слишком большой порции сонного газа, иначе будет поздно.

Страх за Адама терзал ее, подгоняя. Что с ним? Неужели ее ублюдочный братец убьет его? Беззащитного? Диана надеялась, что Марк не пойдет на это, просто возьмет его в заложники, чтобы торговаться с девушками. Она по-прежнему не верила в убийство даже после того, как они стреляли друг в друга.

Диана увидела неподвижно лежащего Адама, ускорила шаг. Смесь облегчения и страха породила в ногах слабость, и она пару раз шаркнула ногами. Застыв, она услышала едва уловимый звук в ресторане. Кажется, ее услышали. Она попятилась, поднимая рогатку. Уйти, пока не поздно? Что она сделает этой игрушкой против ружья? Она не верила, что Марк, так стремившийся заполучить ее, выстрелит, но кто знает, что делает этот ненормальный, если она станет отбиваться?

Он может ранить ее, лишь бы она не сбежала!

Диана сделала еще один шаг назад, шорох в ресторане стал отчетливей — кто-то приближался к Адаму. Диана осознала, что должна пойти на все, чтобы спасти — если он еще жив — возлюбленного. Она притворится, солжет, сделает все, что угодно. Диана поспешила вперед и, оказавшись рядом с Адамом, встретила взглядом с застывшим Борисом. Они смотрели друг другу в глаза с расстояния всего пару шагов, это длилось две-три секунды, но какими длинными они показались!

За эти секунды Диана поняла, что произошло, еще прежде, чем она увидела в глубине ресторана торчащие из-за коробки ноги неподвижного Марка. Марк тоже вырубился от того, чем они усыпили Адама! Борис не успел его оттащить. И, как поняла по его глазам Диана, Борис с опозданием догадался, что мог оттащить и Адама, спрятать его, связать ему руки, например, дождаться, когда старший брат придет в себя. Борис растерялся, ничего не сделал, и теперь, когда вернулась Диана, стало поздно.

Они оба вздрогнули — произвольная реакция на чье-то неожиданное появление — и попятились. Оба вскинули оружие: Борис — ружье, Диана — рогатку.

— Опустит оружие, — Диана говорила тихо: резкое, громкое требование могло вызвать произвольную реакцию у Бориса, и он нажмет на спусковой крючок. — Опустит, слышишь!

Пауза. Диана заметила, как на лбу Бориса блестят капли пота. Она успокаивающе улыбнулась.

— Не делай глупостей. Видишь, я опускаю рогатку. И ты сделай то же самое.

Борис, ее родной брат, был такого же роста, но худее. Его руки дрожали. Несмотря на то что он выбрал главным Марка, Диана была его старшей сестрой, и Борис всегда смотрел на нее снизу вверх. Она была старше Марка, и пока тот не свихнулся на том, что должен сделать ее своей собственностью, Диана точно так же была для Бо-

риса личностью, которую не так-то легко обидеть или послушаться.

Первым попятился Борис. Этим он как бы признавал право Дианы на Адама. Он берет Марка, она — Адама, все по-честному. Диана мельком глянула на Адама, чтобы убедиться: живой! У нее задрожали ноги, облегчение заполнило душу, как вода сосуд, она испугалась, что Марк застрелил его.

Борис по-прежнему держал в руках оружие, и праздновать победу было рано. Все могло измениться в любое мгновение. Борис сильно изменился за те дни, что Диана его не видела. В глазах, несмотря на страх и отголоски того, что можно было принять за уважение, появилась дерзость, неподчинение, злоба. Не знай Диана ситуации, она могла бы решить, что Борис имеет к ней личные претензии, что именно она перед ним в чем-то виновата. Он стал более худым — наверное, сказывалось, что с Марком он питался не так хорошо, как с сестрой, но это лишь ухудшало положение.

— Я заберу Адама, — Диана говорила это на всякий случай, чтобы убедиться: Борис отдает его сестре, и чтобы ее последующие движения не вынудили его совершить глупость. — Не мешай мне.

Борис не ответил, облизнул губы, продолжая пятиться. Диана убедилась, что брат готов отступить, лишь бы его не трогали, лишь бы не забрали у него Марка, который сейчас заменял ему всю семью.

Диана пригнулась, подхватила голову Адама. Помедлив, глядя на Бориса, она приподняла Адама, просунула руки под спину, подтащила его. Бориса это никак не задело, не изменило его поведения. Он поравнялся с лежащим Марком, задержался, чтобы видеть, куда сделает следующий шаг. Отлично! Кажется, поединок закончен.

За спиной Дианы послышался шорох. Диана оглянулась. Тамара. Из-за напряжения Диана напрочь забыла о сестре Адама. Тамара с дубинкой в руках приблизилась

к ней, ее увидел Борис. От неожиданности он вскинул ружье, и Диана подняла руку:

— Спокойно, Борис! Спокойно! Это всего лишь Тамара. Она ничего тебе не сделает. Только мне поможет.

Борис винтовку не опустил, хотя даже с расстояния Диана почувствовала, что его страх взвился с новой силой. Теперь он один против двоих.

Возможно, если бы не появление Тамары, Диане не пришла бы в голову мысль пойти дальше того, чтобы просто забрать Адама. С Тамарой у нее появилась поддержка, пусть символическая, это даже сказалось на поведении Бориса.

— Пошли с нами, Борис. Ты же мой брат.

Пауза. Борис не шевелился, ружье поднято, лоб блестит от пота.

— Поверь, с Марком тебя ждут только несчастья. Его нужно проучить и перевоспитать. И мы снова будем вместе. Как прежде. Когда папа и мама были живы.

Борис не шевелился, не отвечал, и Диана решила, что можно пойти дальше. Она выпрямилась, выпуская Адама, шагнула к брату. Помедлила, заметила, что негативной реакции не последовало, Диана сделала к Борису еще два шага.

— Ты — мой брат. Я скучаю по тебе. Я обещала маме следить за тобой.

Диана вспомнила слова матери о том, что именно женщина может стать настоящим миротворцем. Противостояние и битвы у мужчин в крови, но создают женщины. В воображении возникла картина, как две семьи опять вместе, нет распрей, и Марк... Марк благодарит свою сестру, что она остановила его безумство, расплыла его ненависть, и он так же счастлив, как и остальные, ему достаточно одной девушки, например Тамары, они могут спать спокойно, и «полями» пользуются все, без помех.

Борис приник к ружью щекой, глаза прищурились.

— Не подходи!

Иллюзия исчезла. Все это мечты, мечты... Диана бес-

шумно вздохнула, подавляя дрожь и крик, рвущийся из глубины души. Эта была секундная наивность, что она что-то изменит, но картинка, порожденная этой наивностью, казалась такой реалистичной, такой... естественной, что, вернувшись в реальность, Диана ощутила ненависть к Борису, словно лишь он один испортил возможность возвращения прежней жизни.

Заговорив, она скрыла эту ненависть:

— Марк и мой брат тоже.

— Не подходи!

— Дай хотя бы убедиться, что он живой, — последняя попытка.

Борис медленно покачал головой.

— Уходите. Не вынуждайте меня... стрелять.

Плеча Дианы коснулась Тамара. Требовательное касание, смысл его трудно не понять. Лучше уйти, пока есть возможность, уйти и забрать с собой Адама.

Диана почувствовала отчаяние. Шанс захватить Марка и покончить с противостоянием в Башне, которое зашло дальше некуда, небольшой, но все-таки шанс испарился. Борис, всегда следовавший за старшим братом, не то чтобы бесхребетный и не подчиняющийся родителям вслед за своим идолом, но всегда отдававший приоритет именно Марку, он не позволил воспользоваться оплошностью Марка, который усыпил вместе с Адамом и себя.

Тамара, не выпуская дубинки, приподняла Адама, глянула на Диану. Диана пришла ей на помощь, продолжая следить за Борисом и даже на расстоянии чувствуя его облегчение от того, что сестра уступила ему, не полезла на оружие. Он стоял, не опуская ружья, но его нетерпение читалось в позе, в неподвижном теле. Как и девушки, он хотел утащить Марка подальше отсюда.

Когда Диана с Тамарой оттащили Адама, оказавшись вне поля зрения Бориса, Диана сделала знак Тамаре, и они замерли, прислушиваясь. Тамара перехватила дубинку, Диана приподняла рогатку.

То ли успокаивая себя, то ли прикидывая варианты на будущее — вдруг нечто похожее случится вновь? — Диана задалась вопросом, что бы они делали, достанься им Марк беззащитным? Убить — не убили бы. Держать связанным? И как долго это продлится? Непрестанно следить за ним? Рисковать, что он выкрутится и нападет на них спящих? И что это даст? По всему выходило, что возьми они Марка в плен, это немного изменит. Но на его убийство не пойдут ни Адам, ни сама Диана.

Тамара коснулась ее плеча. Диана все поняла: в ресторане послышалось шуршание — Борис отгаскивал Марка. Враги уходили, то же самое оставалось сделать им.

3

ПЛАН

Адам вспотел, руки от напряжения дрожали. Сестры тоже устали, как и Диана. Он не хотел, чтобы напрягалась Нина, но они и так работали слишком медленно, Адаму пришлось согласиться, чтобы участвовали все.

Они перегородили лестницу между рестораном и трансформаторной смотровой площадкой чем только могли: коробки, тумбочки, ящики, тяжелые металлические болванки, холодильники, рефрижераторы. На это ушло не меньше часа, во время которого они останавливались, прислушиваясь к тишине, смотрели на молчаливый Колокольчик, принимались за тяжелую работу. Когда все закончилось, они тем самым не только отгородились от Марка и Бориса, но и закрыли себе свободный доступ вниз, к ресторанам. Последняя стычка, результатом которой можно было признать ничью, вынудила их отступить, отдав врагам очередной кусок Башни. Тот, где они прежде жили. Их истинный дом.

Адам задавался вопросом, как долго это продлится?

Марк атакует снова, ему надо лишь прийти в себя. Он вновь использует сонный газ и тот звук — Адам не сомневался, что вопль, бивший по перепонкам, тоже их изобретение. Если даже новые атаки последуют не скоро, возникнут иные проблемы — с едой и водой. Пока запасы были, но, потеряв доступ к «полям», Адам с девчонками оказались в опасном положении.

Они присели, восстанавливая дыхание, прислушиваясь к тишине. После всего случившегося тишина казалась зловещей, предательской. Адам глянул на Диану.

— Надо подняться наверх, рассмотреть знак. Он может что-то означать.

Диана кивнула.

— Чуть-чуть позже?

— Хорошо.

Они помолчали. Нина незаметно ушла наверх, Тамара пошла следом. Им еще нужно устроить новое жилище. Диана опустила голову Адаму на плечо.

— Как себя чувствуешь? Голова не болит?

Адам очнулся и пришел в сознание спустя полчаса, как его притащили Диана с Тамарой. Сначала девушки пытались его растормошить, это ничего не дало, и они ждали, когда он проснется сам, надеясь, что несколькими этажами ниже с Марком происходит то же самое и он ненадолго «опередит» Адама.

— Нет вроде бы, — Адам вздохнул. — Мне просто повезло, что этот сумасшедший тоже отключился. Он бы меня прикончил спящего.

Диана вздрогнула.

— Может, и нет. Кто знает... Но хорошо, что мы этого не узнали.

Адам отстранился, заглядывая Диане в глаза, и она подняла голову.

— Откуда у них сонный газ? Как они его сделали?

Диана молчала.

— Или нашли остатки внизу, на технических этажах?

Диана покачала головой.

— Если они даже что-то нашли, как Марк и Борис разобрались, что с ним делать, как использовать?

— Вот именно — как?

— Газ не химический, он из трав. Из всех нас только Тамара знала, как управляться с растениями, что с ними делать.

— Да, но она ничего такого не придумывала?

— Нет. Мы бы знали.

— Еще меня смущает этот звук... Есть предположение, что это? Устройство или... это кричал человек?

— Не знаю, Адам. Похоже на то, что не устройство, но... разве человек может так кричать?

— Помню, Борис в детстве неплохо драл глотку, пока ваша мать не заткнула его.

Они немного помолчали, и Адам поднялся.

— Надо идти наверх, к знаку. Позови Тамару, пусть она будет здесь. Оставим ей ружье.

Адам покосился на Диану, ожидая, не возразит ли она ему, но она кивнула, хотя ему показалось, что нехотя, через силу.

— Хочешь пойти со мной? — спросила она.

— Надо, чтобы и ты посмотрела. Ты можешь увидеть то, чего не увижу я.

— Хорошо, только быстро. Я боюсь за девочек.

— Я понимаю. Но мне кажется, Марк сунется сюда не скоро. Время есть хотя бы потому, что Марку с Борисом надо осмотреться в ресторанах. Наверняка захотят узнать, что мы им оставили.

Диана пошла наверх, Адам подошел к преграде, замер, прислушался. Диана вернулась вместе с Тамарой. Встретившись с ней взглядом, Адам понял, что случилось что-то еще.

На его немой вопрос Диана быстро ответила:

— Там еще один знак. Пошли, посмотришь, такой ли ты видел наверху.

Диана взбиралась наверх по внутренним лестницам антенной части Башни. Адам лез по наружным. Он достиг второй площадки и, не позволив себе ни малейшей паузы, даже не оглянувшись вокруг, что делал всегда, открыл дверь, заглядывая в антенную часть.

Внизу, в полумраке он заметил голову поднимающейся Дианы. Он хотел, чтобы она взбиралась рядом с ним, чтобы он мог ее подбодрить, поддержать, просто наблюдать за ней, но Диана не любила высоту и предпочла не рисковать. Адам предложил взбираться с ней, но Диана заметила, что так они рискуют пропустить Стефана, если он еще где-то наверху.

Адам свесился вниз.

— Устала?

— Не волнуйся. Лезь дальше.

— Одна площадка осталась.

Он подался назад, наружу, и, получив фору, успокоившись, осмотрелся. Несмотря на спешку, он вновь испытал удовлетворение от вида, от возможности созерцать все это. Как всегда.

Мысленно он вернулся к сестрам, оставшимся без его поддержки, но быстро отогнал тревогу. Они договорились, как Тамара и Нина действуют в той или иной ситуации. Все будет хорошо, Адам с Дианой скоро вернутся. Он снова представил знак на полу смотровой площадки в трансформаторной. Та же шестиконечная звезда. Или есть различия с той, к которой они взбираются? Адам сомневался в этом, но проверить необходимо. Знак обнаружила Нина. Ей показалось, что это важно, и она показала знак пришедшей Диане.

Кто же оставил звезду? Не Стефан же! Тогда кто? Мысль, что в Башне есть кто-то еще, о ком они не знают, ему не понравилась. Он в это и не верил. Адам не знал, была ли шестиконечная звезда в этом месте раньше или появилась сегодня. Но гораздо важнее, что она означает.

Что этим знаком хотел сказать тот, кто звезду оставил?

Прежде чем уйти с Дианой, Адам полистал с ней здоровенную толстую энциклопедию. Вместе с самыми необходимыми вещами он забрал и эту книгу. Остальные книги оставались в библиотеке, на нижних технических этажах. Энциклопедия включала в себя множество мелочей, информация о которых могла понадобиться в практическом смысле, но в создавшейся после стычки ситуации из-за спешки Адам оставил бы и энциклопедию, если бы не ранее увиденный в антенной части знак. Прежде чем он сравнит обе звезды, он должен выяснить их значение, принятое ранее, в Мире До Воды.

Знак считался древним. Его использовали не похожие друг на друга народы и в разные времена. Он имел несколько названий: Звезда Давида, Звезда Голиафа, Печать Соломона, гексаграмма, Маген Давид, что означало Щит Давида, в переводе с иврита, языка народа, одним из последних считавшего знак своим национальным символом.

Значения знака тоже различались. Соединение и сочетание двух начал — мужского и женского: треугольники, направленные вершинами вверх и вниз. Сочетание небесного начала — макрокосма — и земного начала — микрокосма. Шесть дней творения и модель Мироздания. Четыре первоосновы: верхний треугольник — огонь и воздух, нижний — земля и вода. Бог, Человек, Мироздание — один треугольник, и как связь между этими элементами — Творение, Откровение, Спасение — второй треугольник.

Когда при быстром прочтении Адам дошел до странного имени Гермес Трисмегист, непонятно, божества или реального человека, он решил, что с него хватит. Суть он понял, Диана проявляла нетерпение, и в данный момент новая информация казалась лишней. Правда, уже захлопнув книгу, Адаму показалось, что он уловил на последней странице что-то знакомое, при том, что был уверен: читает он эту информацию впервые. Но было поздно — они

уже уходили, и он решил, что позже вновь изучит последние абзацы. Пусть времени у них в обрез, на энциклопедию он четверть часа найдет.

Диана показалаась в проеме двери, улыбнулась Адаму.

— Чего ждешь? Я думала, ты уже наверху.

Он схватился руками за перекладки. Он спешил оказаться наверху раньше Дианы — проверить, все ли там в порядке, — и едва не сорвался: соскочила нога, но рукой он держался крепко и воспринял это как мелочную заминку.

На предпоследней площадке он заглянул в антенную часть, убедился, что Диана вот-вот окажется рядом, глянул на знак. Звезда была на месте, и за время его отсутствия ничего не изменилось.

Диана поднялась к нему, замерла, разглядывая знак.

— Ну, что? — прервал паузу Адам. — С виду обе звезды одинаковые.

— Одинаковые.

— И в чем же смысл?

Они помолчали.

— Уверен, что смысл должен быть?

— Не думаю, что это развлекается Стефан. Он тут ни при чем.

— Я уверена в обратном.

— Уверена?

— Марк и Борис внизу, они не могли сюда попасть. Тамара и Нина всегда при нас. Да Нина сюда бы и не полезла. Остается Стефан. Мы же не знаем, где он.

Адам покачал головой.

— Логика железная.

— Стефан — самый вероятный вариант, остальные можно отбросить.

Адам промолчал, задумавшись. Диана потрогала веревку, свисающую в антенной части, подтянула ее к себе, принюхалась. Адам еще в детстве заметил: обоняние Дианы не уступает его способностям.

— Он спускался по веревке, — она не утверждала и не спрашивала, она говорила, будто размышляя сама с собой.

— Спускался. Там, ниже, его кровь на веревке.

Диана вздохнула.

— Зачем спускаться по веревке, когда по лестнице удобней? Мне его так жалко...

Адам застыл, глядя расширенными глазами на Диану. Та, почувствовав его взгляд, напряглась. Адам внезапно крикнул, обняв Диану, и девушка ухватилась за поручень.

— О боже, Диана!

— Ты меня скинешь!

Он вытащил ее на площадку, прижал к себе, приник ртом к ее губам. Она ответила на поцелуй, но, упершись руками ему в грудь, вынудила его прерваться.

— Объясни, в чем дело?

— Я понял, как нам спуститься вниз, чтобы Марк не заметил.

Диана смотрела на Адама, листавшего книгу. Рядом тихо дышали спящие Нина и Тамара. Закат вот-вот должен перейти в ночь, и Адам включил лапму-галогенку — изобретение отца Дианы, которое использовали в исключительных случаях.

Такая же лампа была и у Марка с Борисом — Грэг сделал лампы для каждой семьи.

— Тебе надо поспать, — сказала Диана.

— Лучше ты ложись. Мне еще нужно время. Ложись, разбужу.

Диана переместилась поближе к Нине, задержала взгляд на преграде, которая с каждой секундой растворялась в усиливающемся полумраке, и от этого возникало ощущение незащищенности.

— Если Марк нападет ночью?

Адам продолжал листать книгу — он не слышал Диану. Она чуть повысила голос, повторила вопрос. Адам поднял голову.

— Вряд ли. Темнота ему мешает настолько же, насколько помогает. Смысла нет. — Он улыбнулся. — Не волнуйся. Думаешь, он не устал?

— Он мог уже отоспаться. Ты же видишь, сколько он использует способов.

— Пока вариантов у нас нет — надо выждать, когда пройдет ночь. Завтра нас здесь уже не будет. Спи.

Диана не ложилась, глядя на Адама, который вновь погружился в книгу.

— Ты уверен в том, что мы собрались делать?

— Что нам остается? Марк не оставит нас в покое. Мы должны... расстаться. Покинуть Башню. Иначе ничего не изменится.

— Ты так спокойно говоришь об этом. Покинуть Башню...

Адам, недовольный, отложил книгу.

— Спокойно? У меня сердце ноет при мысли, что я все это больше не увижу. Ты можешь предложить что-то другое?

Она опустила голову.

— И куда мы направимся?

— Сначала надо выбраться отсюда. Куда направиться, решим позже. Я буду пробовать разгадать надпись отца. Он что-то сказал нам, надо только понять что.

— И на чем мы отправимся? На лодке? Уверен, что Марк не уничтожил ее? Или перепрыгал?

— Я знаю, где находится плот. Добротный, широкий плот.

— Первая буря зальет его.

— Диана, буря зальет все, что угодно, и лодку тоже, какой бы та ни была. Я же сказал, не забегай так далеко.

— Хорошо. Сначала выбраться. Мне кажется, кое-что ты все равно упустил.

— Что же?

— Нина.

— Что Нина?

— Я не представляю, как уговорить ее выбраться наружу. Она закатила истерику, когда мы были внизу, у самой воды. Ты хочешь, чтобы она спускалась по веревке с такой высоты?

— Диана! Я же сказал, что рассматриваю вариант не только спуска по наружной стене. Можно спуститься и внутри башни.

— Внутри?

— Лифтовые шахты.

Диана вздохнула.

— Велика разница... Думаешь, длины веревок хватит?

— Я посмотрю схемы Башни, их отец оставлял на всякий случай. Видишь, пригодились. Я только хочу разобраться со знаками. Где-то я что-то видел, но ты меня отвлекаешь.

— И еще... Оставишь в Башне Стефана? Если мы его не найдем?

Адам застыл. Этот вопрос казался неразрешимым в отличие от той же Нины. Если он не нашел Стефана до этого, откуда уверенность, что он найдет его завтра? Особенно если учесть, сколько им предстоит возни в связи с бегством!

— Я найду его, — голос Адама звучал не очень уверенно. — Я постараюсь.

Диана кивнула, улеглась, но глаза не закрыла — смотрела в потолок. Адам искоса наблюдал за ней.

— Где он может быть? — как нередко бывало, она не спрашивала и не утверждала, просто размышляла вслух. — Он где-то наверху. Хотя один знак оставил рядом с нами.

У Адама вырвался невнятный звук, Диана покосилась на него. Он полистал страницы, бормоча под нос. Она хотела спросить, в чем дело, но не рискнула перебивать — он что-то искал. Он был похож на человека, который спешит найти только что утерянную вещь, опасаясь, что ее уже подобрали.

Адам поднял голову, улыбнулся Диане. Его палец застыл на какой-то строке в энциклопедии.

— Ты — умница!

— Я? Поведай, почему это?

— Я-то думаю, что мне казалось знакомым... Вот, — он опустил взгляд в книгу. — Выражение, которое приписывают Гермесу Трисмегисту: что вверху, то и внизу. И это выражение тоже как-то связано со знаком.

Диана села, глядя на Адама.

— Прости, я не понимаю. Кто-то, наверное, Стефан, оставил два знака. Один высоко, другой — ниже, как только смог. Что это нам дает?

— Однажды ту же самую фразу сказал мне отец. И попросил запомнить. Что вверху, то и внизу. Нам надо спуститься вниз.

Борис шаркнул ногой, и Марк, обернувшись, едва не заорал на него. Он сдержался, обойдясь взглядом, переполненным злобой. Борис застыл с одной приподнятой ногой, пытаясь отвести взгляд и не в силах это сделать.

Марк медленно отвернулся, всмотрелся в преграду. Прошла минута, вторая. Кажется, их не услышали. Марк удовлетворенно кивнул сам себе. Злая улыбка исказила его лицо. Уже скоро, очень скоро он получит свое. И его ничто не остановит. И как он не сделал так еще в прошлый раз? Конечно, он не знал, как подействует сонный газ и подействует ли вообще.

Хотя эксперимент, в котором подопытным кроликом был Борис, удался, это не давало стопроцентной гарантии. Борис не двигался, безропотно вдыхал, но во время стычки люди так глубоко не дышат, к тому же Адам двигался, и это вынудило самого Марка попасть в свою же ловушку. И все-таки Марк понимал, что не должен был задействовать газ, когда стычка еще не завершилась, когда Адам и Диана ожидали его атаки. Ему не хватило выдержки, и он за это едва не поплатился. Выжди он в тот момент хотя бы несколько часов, и ситуация могла бы стать иной.

Сейчас все будет иначе. Даже новая диспозиция врага способствовала его удаче. Марк оглянулся на Бориса, протянул руку. Борис передал ему емкость, закрытую крышкой, и Марк медленно, останавливаясь, пошел по ступенькам маршевой лестницы к преграде.

Эта преграда была основательней. Может, так казалось из-за недостатка света — утро только зарождалось. Марк надеялся, что выбрал наиболее подходящий момент. Скорее всего, кто-то один из них не спит, но вряд ли ежесекундно смотрит в какую-нибудь щель, наблюдая за подходом. Они рассчитывают, что Марк даст о себе знать, как только атакует, но в этот раз он будет умнее.

Он поставил емкость в нескольких шагах от преграды, выдержал паузу, прислушался. Тишина. Его не заметили, он мог поклясться в этом. В противном случае по ту сторону преграды возникла бы суета. Марк улыбнулся. Все идет по плану. Он снял крышку, попятился. Он не видел в полумраке выходящий из емкости газ, но знал, что вещество не может не появиться. Марк старался не дышать. Он оглянулся, Борис уже протягивал вторую емкость. Марк поставил ее на пол, снял крышку.

На этот раз опахало задействовал Борис — Марк подстраховался, спустившись на целый этаж. Он думал, как бы все было просто, если бы Адама и компанию нужно было отравить, не усыпить. И эта возможность также была у него в наличии. Это было куда проще, но убить Марк хотел только Адама, остальные нужны ему живыми, при том, что остальные дышат тем же воздухом, что и этот ублюдок.

Марк поднялся наверх. Борис, как и советовал Марк, прижимал к лицу тряпку, неспешно поднимая-опуская опахало. Если все получится, Адам и девчонки вырубятся, не проснувшись. Любопытно, отключился ли часовой, кем бы он ни был? Марк решил, что времени прошло достаточно.

Он всмотрелся в преграду, нашел подходящую амбразуру, которую противник задействует в первую оче-

редь. Таких щелей оказалось две, и Марк, перестав таить-ся, подбежал, заткнул тряпками обе.

— К вам гости, ублюдки, — он сказал это вполголоса: был шанс, что часовой еще не отключился, и крик заставит его уйти, избежав воздействия сонного газа.

По ту сторону не раздалось ни звука. Незначительная концентрация мяты чувствовалась в воздухе, но для Марка и Бориса опасность миновала. Марк, не выдержав, засмеялся.

— И как вы себя чувствуете, олухи?

Никто не отозвался. Марк засмеялся громче. Абсолютно спокойный и уверенный, он изучил преграду руками, выбрал место, показавшееся ему наиболее уязвимым, навалился всем телом. Преграда выдержала, как выдержала и второй удар плечом, но на третий тумбочка наверху свалилась на ту сторону.

Марк несколько раз навалился на преграду, затем вместе с Борисом стал методично разбирать завал. Ликование переполняло его. Минута, и он увидит спящую Диану. Даже спящий Адам не вызывал такой сильной злобы, как Диана — возбуждение. Марк почувствовал эрекцию и сдержал смех, который наверняка получился бы истерическим. Может, взять ее спящей, не откладывая? Борис удалится без вопросов, и тогда... Наверняка с Дианой придется помучиться, прежде чем она согласится сама ложиться под него. И дело даже не в любви — придумали ересь! — к этому ублюдку, скорее причина в тех заповедях, что втолковывала им в головы мать. Признаться, Марк не понимал тогда и не понимал сейчас, почему нельзя ложиться с родной сестрой? В чем разница между девками Ивана и Евы и его Дианой? Будь Тамара и Нина такими же красивыми, Марк захотел бы в первую очередь их, но в этом случае ни у кого бы не возникло вопросов и негодования. Чем же так отличается Диана, не считая того, что их с Марком породила одна и та же мать? Впрочем, мать давно не здесь, и некому читать Марку морали, Диана —

не в счет. Она все, что угодно, придумает, лишь бы остаться с этим самовлюбленным ублюдком.

Проход показался Марку достаточным, чтобы протиснуться с оружием в руках, не рискуя нарваться на удар дубинкой. Марк протиснулся, оказавшись по другую сторону преграды.

И замер. Никого из противников здесь не было. Они ушли до того, как Марк использовал сонный газ.

4

ПОПЫТКА

Адам отложил кувалду, заглянул в образовавшееся отверстие.

Рядом переминалась с ноги на ногу напряженная Диана. Тамара и Нина находились на маршевой лестнице — самой ее верхней точке, они посматривали вниз, прислушивались к тишине, ожидая приказания брата.

На схеме эта точка была на высоте трехсот пятидесяти семи метров, на семнадцать метров выше последней защитной преграды. Именно здесь маршевая лестница заканчивалась. Здесь же, поблизости, был вход в лифтовые шахты. Они были закрыты, и Адаму пришлось воспользоваться наиболее грубым методом, чтобы проложить себе возможность проникнуть туда. При первом ударе он подумал, что сразу же выдал Марку свое местонахождение, но выбора не было. Еще пяток ударов, и Адам успокоился: то ли привык, то ли осознал, что в реальности он производит шума не так много и четыре этажа вполне достаточно, чтобы заглушить этот грохот. Адам также надеялся, что Марк и Борис еще спят. Если же он ошибся и противник уже не спит, более того, услышал странный грохот, у Адама и девушек оставалась форя во времени — Марку еще надо преодолеть преграду.

Шахта, погруженная во тьму, казалась бездонной. Адам вспоминал, что знал об этой части Башни от отца. Кажется, отец считал, что все лифты находятся внизу. Некое событие, предшествующее тому, что все люди, кто работал здесь до Великой Катастрофы, ушли, вынудило лифты оказаться на первом этаже. Прежде ни у кого из них не было причины выяснять, так ли это. Адам вообще лишь недавно понял предназначение этих странных коробок. Неужели люди прошлого спокойно пользовались ими вместо того, чтобы спуститься по лестнице?

Адам нащупал руками устройство, на котором крепились тросы. Холодная поверхность показалась враждебной, несмотря на то что выглядела надежно. Перегнувшись, Адам потрогал канаты. На первый взгляд они выглядели монолитно, но убедиться в этом можно лишь на практике, и, конечно же, первым лучше спуститься ему.

Он решил передохнуть. Мрак, неуверенность, спешка — все это высасывало энергию не хуже тяжелой работы. Адам совершенно не выспался — и это был минус. Когда еще доведется поспать? Сначала надо покинуть Башню, но снаружи, вне дома, их ждет враждебный мир, и расслабиться Адам себе не позволит. Он совершил ошибку, не очень серьезную, но все же.

Он не рассчитывал, что они уйдут до рассвета. Это была идея Дианы. Она разбудила Адама в темноте предрассветного часа и зашептала, что напугана. Если они собираются покинуть Башню тем способом, что предлагал Адам, они должны уйти немедленно, не ждать утра: логично же, что Марк начнет действовать именно когда рассветет. Адам пытался задавать вопросы, но понял, что дело не в логических раскладках — Диану терзало предчувствие. Он решил, что хуже не будет, более ранний уход — лишь дополнительная страховка. И ему предстояло вновь подняться наверх, снять веревку — лишняя никак не помешает — и в последний раз поискать Стефана.

С братом выходила накладка. Адам не может искать его бесконечно. Или они попытаются покинуть Башню, или останутся, рискуя оказаться жертвами Марка. Жуткий выбор — Стефан или девушки — предстал перед Адамом во всей своей уродливой красе, но Адам от него не уклонялся. Он поспешил и сделал все, что мог, опять проверил множество закоулков и площадки. Стефана он не нашел, но вернулся с веревкой. Еще один такой же трос они взяли из своих вещей. Адам попытался не думать о Стефане, и это получилось: страх за брата вытеснила тревога и неуверенность не только в правильности выбора, а в том, смогут ли Нина и Тамара спускаться в эту бездну.

— Пора... — прошептал Адам. — Зови девчонок.

Диана положила ему руку на плечо. Он обернулся, посмотрел ей в глаза.

— Давай первой буду я.

— Нет, Диана, ты...

— Уступи, Адам. Лучше останься последним. Марк может заявиться в любой момент. Я... не смогу в него стрелять.

Адам колебался.

— Пойми, я не знаю, можно ли спуститься по тросам на самый низ. И девчонки не смогут. Потребуется пауза. Мне нужно будет пробить дверь на каком-нибудь этаже. Чтобы мы все отдохнули.

Диана не нашла, что возразить, кивнула. Адам обнял ее.

— Надо просто оказаться ниже Марка. И выйти назад, на лестницу.

— Хорошо. Нина! Тамара!

Девушки подошли. В глазах Тамары был страх, Нина шагнула к лифтовой шахте, заглянула, вопросительно глянула на Адама. Выглядела она напряженно, но испугана не была.

— Хочешь, чтобы мы полезли туда? — спросила Нина.

Адам обнял ее, поцеловал в висок.

— Надень этот рюкзачок. Здесь самое необходимое. Он не тяжелый.

Нина быстро натянула рюкзак. Такой же Тамаре подала Диана.

— Я на лестницу, — Диана подхватила ружье и вышла.

— Девчонки, вы должны это выдержать, иначе никак. Не бойтесь, я буду рядом и помогу, если что.

Адам обвязал себя веревкой вокруг пояса, стравил с пятю метров, обвязал за пояс Нину, стравил еще кусок.

— Я полезу, пока обвяжите Тамару.

Надев свой рюкзак, Адам полез в шахту. Обхватив руками один из канатов, он повис на нем. Под ребрами застало сердце. Первый приступ паники быстро прошел, но осадок остался. Что же почувствуют девчонки? Если кто-то из них сорвется? Вряд ли он удержит падающую Тамару.

Сначала он больше всего переживал за Нину, и ее реакция отчасти удивила. Скорее всего, эта ее мания прятаться в маленьких и темных самодельных «домиках» помогла, если такое возможно, и как-то сочеталась с темным узким пространством. Проблемы с Ниной начнутся позже, когда им придется выйти из Башни, но это еще впереди, сейчас лучше думать о другом.

Как только Адам отогнал несвоевременные мысли, в сознании забрезжил способ, как решить проблему с Ниной снаружи. Это было подобно озарению, и Адам застыл, осознав, что едва не разжал руки. Он улыбнулся, хотя предстоящее показалось вдруг нереально далеким. До этого не дойдет, если Нина свалится ему на голову и они вместе полетят в бездну.

— Нина, давай, лезь. Не бойся.

Он увидел, как тень над ним подалась к тросам, почувствовал вибрацию лифтового троса. Нина замерла, привыкая, вибрация прекратилась.

— Ты как?

— Хорошо.

Ответ заставил Адама улыбнуться. Хорошо? Только Нина могла так ответить. Она начала спуск. Адам помедлил, убедился, что сестра держится, продолжил спуск сам.

— Тамара! — крикнул он. — Теперь ты!

Тишина.

— Тамара? Ты где? — Пауза. — Тамара! Давай же!

Сверху свесилась тень. Адам решил, что за Тамарой придется вернуться, но сестра едва не свалилась, схватившись за трос и быстро-быстро перебирая руками. У Адама возникло ощущение, что трос оборвется. Взвизгнула Нина.

— Тамара! — крикнул Адам.

— Тихо! — Она по-прежнему перебирала руками так, что достигла Нины, едва не встав ей на голову. — Там Марк!

Марк, поднимавшийся по маршевой лестнице чуть впереди Бориса, резко вскинул руку вверх, знаком требуя брата замереть.

Борис подчинился, глядя вверх расширенными глазами. Стычка с Адамом и Дианой его не прельщала. Слишком здесь открыто. Щит — один, и держал его Марк. Конечно, Борис прятался за спину Марка, но все равно ощущал себя открытым и незащищенным. Даже любимый арбалет в руках ничего не менял.

Марк выдержал паузу, ничего не происходило.

— Ты что-нибудь слышал? — прошептал Марк.

— Не знаю... Нет, кажется.

— Кто-то кричал. И не так далеко. Они где-то рядом.

Марк двинулся вперед, ускоряя шаг, и Борис поспешил следом. Они поднялись еще на один этаж, внутренние помещения которого были заполнены неизвестными для них техническими устройствами.

В который раз Марк подумал, что люди прошлого для него по-прежнему непостижимы. Столько приспособлений! И ради чего? На кой им это было надо? Он не понимал, впрочем, ему это было неинтересно. Он практически не задавался вопросом, что это были за люди, чем они жили и сильно ли отличались от него самого. Они оставались для него чем-то эфемерным.

Проверив этаж, Марк вернулся к ожидавшему его на маршевой лестнице Борису. Тот вздохнул с облегчением. Марк похлопал его по плечу, пошел наверх. Ощущение, что надо спешить, стало отчетливым. И в то же время Марк был спокоен. Куда им деться, Адаму и девкам? Они могут лишь отступать до тех пор, пока физически станет некуда. Они могут сделать такой же, как у Марка, щит и себе или наглухо закрыться в каком-то помещении, но это лишь оттянет неизбежное. Когда у них не останется еды, они станут сговорчивыми. Девки точно. Какая им разница, с кем жить, с Адамом или Марком? И если Адам загнал их в какой-то угол, где им остается погибнуть от жажды и голода, они выберут Марка.

Они где-то рядом. Марку казалось, что он чувствует их страх и нервозность, витающие в воздухе. Они совсем близко. Возможно, Адам мог бы стать достойным противником, но у него обуза: целых три девицы, и с этим ничего не поделаешь — все равно что взвалить на плечи мешок с грузом и рассчитывать, что сможешь действовать так же, как прежде. Этот убудок Адам взвалил на себя слишком много, за это придется расплачиваться.

Еще один этаж. Маршевая лестница закончилась. Дальше был выход на следующие технические этажи, занимавшие меньшую площадь и тянувшиеся до антенной части Башни еще метров на тридцать. Марк остановился. Его внимание привлек проход к лифтам. И в то же время он чувствовал, что надо подняться еще выше. Ему даже помешались шаги на следующем этаже. Это ощущение раздвоенности вынудило Марка задержаться. Он прислушивался, пытаясь уловить еще хотя бы какой-то звук, но было тихо.

Марк тронул Бориса за локоть, указал знаком на лестницу и на Бориса, затем на себя и на проход к лифтовым шахтам. Борис кивнул, прижавшись спиной к стене для устойчивости. Арбалет подрагивал в его руках. Марк, закрывшись щитом, двинулся к лифтам.

Через пару шагов он остановился, разглядывая пол. Он был усеян какими-то обломками, рядом зияла дыра — вход в лифтовую шахту. Марк не поверил тем выводам, которые напрашивались после увиденного. Неужели Адам потянул девок в лифтовую шахту? Как? Марк подался вперед, всматриваясь в полумрак. Он заметил канаты, уходящие вниз, и понял, каким образом можно спускаться вниз. Но, даже догадавшись как, Марк все еще не мог поверить, что они на это решились.

Чертовы ублюдки!

Он высунул голову над шахтой. Внизу было темно. Померещился ему какой-то приглушенный, неуловимый звук? И видел ли он какое-то пятно чуть более густого черного цвета, нежели окружавшее его пространство? Это могли быть происки воображения или нетерпения. Но могло быть в реальности.

Марк хихикнул. Внизу откликнулось слабое эхо. И послышался девичий вскрик. Марк хихикнул снова, негромко пробормотал проклятия. И это подействовало лучше крика — кто-то из девок — кажется, Нина — завизжал. Марк засмеялся — его разобрало странное веселье. Он вычислил их! Они там, внизу. И никуда от него не денутся.

— Эй! Вам там удобно? Какой придурок засунул вас туда? Его, случайно, зовут не Адам?

— Пошел ты!

— Ха! Нина? Это ты, маленькая стерва? Ты узнаешь, кто в Башне хозяин, когда я выгашу тебя оттуда за шкирку.

— Ты — плохой человек! Плохой!

— Извини, я нечаянно. Лучше быть плохим, но хозяином, чем хорошим, но ублюдком! Таким, как твой братец!

Раззадорившись, Марк выгашил нож, потянулся к одному из канатов, но резать не стал. Девки разобьются, но они нужны ему живыми. Ирония в том, что Адам мог прикрываться ими, как щитом. Вместо брони, как у Марка, ублюдок избрал женскую плоть. Недурно...

Марк замер, прислушиваясь. Адам что-то говорил дев-

кам: мужской настойчивый голос. Желание пальнуть охватило внезапно, и Марк едва сдержался. Нет! Без Дианы он не сможет. Женщина нужна ему даже не для продолжения рода — это понятие оставалось каким-то эфемерным, ему надо удовлетворять свои потребности, и лучше Дианы для этого никто не подходит. Даже эти дурацкие запреты на связь с единокровной сестрой лишь усиливали желание.

По канатам прошла дрожь. Беглецы спешат по лифтовому тросу вниз! Что, если они выйдут из этой шахты на маршевую лестницу, оказавшись ниже Марка с Борисом? Не сбегут ли они из Башни? Мысль, которая ранее вообще не приходила в голову, показалась верной.

Паника бросила его к Борису. Он хотел крикнуть ему, чтобы не стоял, как олух, бежал вниз, когда брат выпалил:

— Там кто-то есть, — он указал наверх, на винтовую лестницу.

Диана не знала, как ей быть. Сначала она действовала инстинктивно, но теперь, даже понимая, что выбора у нее не было, Диана жалела о том, что поддалась страху, импульсу или здравомыслию, неважно чему. Она осталась одна, разлучилась с Адамом и девчонками. И что ей делать?

Стоя в самой верхней точке маршевой лестницы, Диана собиралась вернуться к лифтовой шахте, уверенная, что время ее спуска наступило. Тамара, не в силах победить свой страх, все не решалась, Диана подумала, что поможет ей. Она опустила ружье, повернулась... и услышала приглушенный звук. Ниже по маршевой лестнице.

Только рассвело, и столь быстрое появление Марка и Бориса шокировало ее. Когда они успели? Она метнулась по винтовой лестнице вверх за мгновение до того, как в поле зрения появился Марк. Нечто внутри ее воспротивилось тому, чтобы отступить к лифтовой шахте. У нее уже не было времени, чтобы забраться туда, оставшись незамеченной. В спешке она просто-напросто рискует сорваться вниз или сбить с троса Тамару.

Диана попятилась, благо дверь была открыта, ей не пришлось производить ненужный шум. Опасаясь, что ее выдадут шаги, Диана остановилась, замерла, подавляя стремление спешить все выше и выше. Полнейшее беззвучие внизу показалось ей подозрительным. Что они делают? Они ее услышали и ждут, не выдаст ли она себя? Почему не поднимаются следом за ней?

Пауза затягивалась. Диана решила сделать пару шагов вниз. Она понимала, что они наверняка увидят ее раньше, чем она их, но терпения уже не осталось. Первый шаг вниз совпал с невнятным звуком, нарушившим тишину. Шаги Марка или Бориса? Они так близко! Догадались, что Адам и девчонки в лифтовой шахте? Диана хотела отступить, чтобы не выдать себя, и в то же время совершить что-то, чтобы отвлечь братьев от лифтовой шахты.

Когда Марк хихикнул, Диана догадалась, что он обнаружил беглецов. Он что-то закричал им, оскорбляя, и кто-то из девчонок ответил ему. Марка это не смутило, он продолжил глумиться. Диана перехватила ружье, приготовилась. Спасение Адама зависит лишь от нее. Возник вопрос, сможет ли она выстрелить в Бориса, но Диана отстранилась от него. Будь что будет.

Внезапно все стихло, и Диана застыла. Как в стену уперлась. Что происходит? Она была уверена, что Марк атакует беглецов прямо в шахте, сделает хоть что-то, но возникшая пауза убеждала в том, что братец ничего не предпринял.

Шорох шагов, потом фраза Бориса — значит, Марк оказался рядом, — что младший брат кого-то обнаружил. Этим кем-то была Диана — он ее услышал, но не увидел, что это она.

Диане показалось, что она слышит дыхание кого-то из братьев. Похоже, Марк не рискнул причинить вред тем, кто в шахте, он не знал, что там нет Дианы. Она попятилась. Девушка старалась отходить бесшумно, уверен-

ная, что даже по ее шагам Марк определит, что это его сестра.

— Эй! Кто там? — подал голос Марк.

Послышались его шаги, Диана ускорила отступление. Перед ней возникла дилемма: выйти наружу или подниматься наверх по лестнице внутри? Заколебавшись, она остановилась и услышала диалог между Марком и Борисом.

— Там кто-то из них. Я выясню кто. Беги вниз! Слушай в каждом лифте, где они. Ты поймешь...

— Марк, я...

— Ты не должен их выпустить! Беги, иначе слиняють!

— Я без тебя не могу! Потеряемся!

— Они уйдут!

— Но я...

— Слушай, что я сказал! Придушу прямо здесь, трусливый ублюдок! Ты со мной или с ними? Со мной?

— Да, да, я с тобой...

— Иди! Просто не выпусти их! Пробей дверь в лифтовую шахту на любом этаже и загляни туда. Ты поймешь, где они. Давай же!

Послышались удаляющиеся шаги убежавшего Бориса, и Марк крикнул вслед:

— Я вернусь и найду тебя. Держись рядом с маршевой лестницей!

Диана попятилась, чувствуя, как Марк, разобравшись с Борисом, обернулся, готовый выполнить собственную часть плана. Он хихикнул, засмеялся. Вынужденный смех, как способ вызвать у противника страх, лишить спокойствия, как удалось с Ниной, которая находилась в шахте.

— Кто же там? — заорал Марк.

Диана спешила наверх, избрав внутреннюю часть, но Марк кричал, и она разбирала его слова.

— Айда в загадки? Тамара? Или наш славный Стефан? А-а! Неужели Диана? Сестрица, да ты ли это? Не-

ужто бросила своего ублюдка? Поумнела, что ли? Так быстро?

Диана почувствовала отчаяние. Марк найдет ее, выхода нет. Она потянет время, забираясь все выше и выше, но суть от этого не изменится. Ей захотелось плакать. Она сможет в него выстрелить?

Мать говорила, это величайший грех — убить родного брата, кем бы он ни был! Как же быть? Сдаться? Тогда ей больше не видать Адама! Марк ее не отпустит. Она не убьет его, а он привяжет ее к себе в буквальном смысле этого слова.

Диана спешила наверх, преодолевая технические этажи и каждый раз колеблясь, прятаться ли в очередную дверь. Она решила идти на самый верх, просто чтобы отдалить неизбежное. Сейчас она могла рассчитывать лишь на везение. Вдруг Марка что-то задержит?

Ступени потеряли четкость, и она поняла, что плачет.

Когда Нина, испуганная, на грани истерики, закричала что-то в ответ Марку, Адам подавил в себе импульс взобраться наверх, к сестре. От страха Нина едва удерживается на канатах, его спешка может довершить то, что не вышло у Марка.

Выкрики Марка и ответы Нины затихли, и Адам позвал сестру. Она его услышала и, самое главное, поняла, что он говорит.

— Спускайся ко мне, не бойся. Он ничего нам не сделает. Спускайся, Нина. Они выше нас, мы можем сбежать.

Он старался говорить так, чтобы его слышали Нина и Тамара, но не Марк. Канаты задергались — Нина продолжила спуск. Адам, отклонившись в сторону, смотрел вверх. Кажется, за Ниной спешила Тамара. Отлично. Тень в самом верху, которая могла быть головой Марка, исчезла. Как и рассчитывал Адам, Марк не решился атаковать их. Он не знал, что с ними нет Дианы, но даже знай он об этом, Адам был уверен, что стрельбы бы не было: Мар-

ку нужна не только Диана, хотя бы ради брата, вернее ради собственного спокойствия, когда Борису тоже понадобится женщина.

Адам вытянул руку, коснулся Нининой стопы, почувствовал, как сестра вздрогнула.

— Это я, не бойся, — он погладил ее ногу. — Давай, не задерживайся.

Он перебирал руками, спускаясь ниже. Сестры, не останавливаясь, следовали за ним. Время пошло.

Адам суматошно размышлял, что делать. Марк и Борис наверняка обгонят их по маршевой лестнице и снова займут позицию, не дав им спуститься. Адам отгонял мысли о Диане. Он что-нибудь придумает, но позже. Сначала надо увести сестер из лифтовой шахты, они тут слишком уязвимы, ситуация не в их пользу.

Адам остановился, дожидаясь Нину и Тамару. Наконец, он коснулся ее ботинка.

— Нина, я спущусь очень быстро, так что не бойтесь. Надо пробить какую-нибудь дверь, выбраться отсюда.

Нина что-то пробормотала, и Адам принял это как согласие. И заскользил по канату вниз, быстро-быстро перебирая руками. Какое счастье, что он подумал о перчатках заранее, эта мелочь могла все испортить.

Понять, насколько он спустился, в какой части Башни находится, было сложно, в любом случае фора во времени на стороне врага. Обнаружив напротив себя дверь — выход из шахты, Адам остановился, быстро привязал себя к тросу веревкой, на всякий случай, попытался раскататься, чтобы дотянуться до уступа перед дверью. Сестер он не видел, оторвался от них прилично, хотя дрожь канатов от их движения ощущалась и здесь.

После трех попыток Адам зацепился за уступ. Он выдержал паузу, настраиваясь, восстанавливая силы, достал из-за пояса топор, перехватил его, примерился. Когда он начнет стучать, он выдаст Марку и Борису свое местоположение, но выбора не было.

Выдохнув, как перед прыжком с высоты, Адам нанес первый удар. Узкая щель, появившаяся в результате удара, ослепила его, и Адам зажмурился. Он нанес второй удар, третий. Щель расширилась.

Сверху завизжала Нина. Адам вскинул голову, и до него донеслись удары в одну из дверей сверху, наверное, в одну из тех, которые он пропустил ранее. Мутный свет проник в лифтовую шахту, но увидел Адам немного. Нина закричала. Адам хотел позвать ее, успокоить, но осознал, что противник — Марк или Борис — пробил дверь в соседнюю лифтовую шахту — она располагалась за сетчатой оградой, параллельная той, где находились беглецы. Противник ошибся, перепутав лифтовые двери. Адам не стал выдавать себя криком. Нина и Тамара, хоть и в панике, продолжали спуск, находясь примерно на той высоте, что и враг.

Удары прекратились, чтобы возобновиться в соседнюю дверь. Под них подстроился Адам, пробив в двери брешь, достаточную, чтобы протиснуться не только сестрам, но и самому. Он вскинул голову, чтобы позвать сестер, но опоздал.

Противник пробил дверь в очередную шахту и на этот раз угадал. В световом пятне появилась чья-то голова. Не только Нина, но и Тамара уже преодолели эту отметку — они оказались ниже пробоины. Адама от них отделяли не более двух десятков метров, возможно, чуть больше, у них были все шансы выбраться из шахты до того, как Марк или Борис спустятся в эту точку по маршевой лестнице.

Если бы не этот вопль, который Адам уже слышал раньше.

За мгновение перед этим непостижимым звуком Адам услышал невнятное ругательство, злоеший смешок и понял, что это Борис. Раздался вопль, и Адам, оглушенный, свалился бы, если б не веревка.

Он зажал уши руками, но, несмотря на боль, убрал их, чтобы схватиться за канат. Падения не случилось, но Адам оказался на несколько метров ниже пробоины в двери.

Ему было достаточно считанных секунд, чтобы восстановить прежнюю позицию, если бы не падение Нины. Она была ближе к Борису — неужели это он кричал? — и вопль ударил по ней сильнее. Девочка разжала руки, полетела вниз. Веревка, которой она была привязана, ослабила скорость, и, поравнявшись с Адамом, она на секунду зависла — веревки переплелись. Чтобы разорваться — перетерлась именно веревка Нины. Девочка снова полетела вниз, но успела схватиться за канаты, завывая не только от страха, от боли — ей поранило тросом руки и щеку. И все-таки она оказалась ниже Адама метров на пять-шесть, который едва удержался после столкновения с сестрой.

Тамара зависла на прежнем месте, где и застал ее вопль. Скрючившись, зажимая уши ладонями и одновременно держась каким-то нереальным способом на канате, Тамара застыла, напоминая кокон, и на зов Адама не откликнулась — она ничего не слышала.

Адам позвал ее снова, опять без результата. Он почувствовал, как душу захлестывает волна отчаяния: Дианы рядом нет, одна сестра застыла вверху, вторая — под ним. Общим нужна помощь, но, двинувшись к одной, Адам оставлял без помощи другую. Непозволительно долго он решал, в какую сторону двинуться, и при этом старался следить за отверстием, которое пробил враг: произвольно он ждал, что вопль повторится. К счастью, ничего не происходило. Наверное, Марк и Борис помчались вниз по маршевой лестнице.

Адам решил, спускаясь к Нине.

— Тамара! — закричал он. — Спускайся! Быстрее!

Одновременно с этими криками Адам достиг всхлипывающей Нины, изогнулся, коснувшись рукой ее головы, погладил ее.

— Держись, я перелезу тебя. Надо пробить еще одну дверь.

Он опустил ноги, но Нина внезапно замахала рукой — попыталась отбиться.

— Хорошо, хорошо, не буду. Тогда спускайся ты.

Несмотря на всхлипы, Нина послушалась, медленно, неуклюже начала спуск. Дважды она приглушенно вскрикнула, и Адам догадался, что она повредила руки, несмотря на перчатки. Сейчас он не мог ей помочь.

— Терпи, моя хорошая, терпи.

Они поравнялись с очередной дверью, и Адам попросил Нину остановиться. Он уже приготовился достать рукой уступ под дверью, когда снаружи в эту дверь нанесли удар. Адам застыл, растерянный, не понимая, как быть на этот раз, и не веря, что Борис — или это был Марк — так быстро выбрал именно ту дверь, за которой и оказался Адам с сестрой.

— Уходи! — сказал он Нине, и та продолжила спуск.

Адам поспешил следом, хотя оставлял Тамару одну. Щель, достаточная, чтобы протиснуться, появилась слишком быстро, и тень Бориса приглушила смутный поток света.

— Стоять! — крикнул он.

Адам вскинул голову.

— Не вздумай орать! Ты убьешь Нину! Она упадет!

Пауза. Борис размышлял. В руках он держал арбалет со стрелой на тетиве.

— Выбирайтесь сюда! Или я вас перестреляю!

И снова Диана поддалась импульсу, когда решила выбраться на площадку антенной части. Чуть ниже ее по-прежнему глумился Марк, но в его криках проскальзывали раздражение и злоба. Он по-прежнему не знал, кого из беглецов он преследует.

Она вышла на второй площадке — более четырехсот пятидесяти метров высоты — и осознала, что критический момент вот-вот наступит. Решетчатые площадки не могли скрыть человека, и стоит лишь Марку выйти наружу, он увидит сестру. Кардинально ничего бы не изменилось, продолжай Диана подниматься внутри антенной

части Башни — еще две площадки и пятьдесят метров, и прятаться все равно будет негде.

Прижимаясь спиной к стене, Диана отодвинулась от проема двери как можно дальше. Руки ее дрожали, когда она перехватила ружье: готова ли она поставить свободу против жизни родного брата? Или он погибнет, или... еето он не убьет, но не станет ли отсутствие Дианы почти такой же смертью для Адама?

Она вспомнила слова матери о продлении рода, и это в такой момент, когда суматошная мысль не смогла бы, казалось, ни за что зацепиться! В тот день был пик болезни, редкий случай, приключавшийся по разу с каждым из Семерых Рожденных в Башне. Один за другим они переболели болезнью, которой и названия родители не дали. Высокая температура, рвота на начальной стадии, потоотделение, угрожавшее высушить тело, как тараньку, слабость, головокружение. Диана переболела одной из последних, и страх того, что она умрет, был несильным: по опыту других полагали, что она выкарабкается. И все же Анна сидела над ней, не отходила. Всегда могли быть исключения, и ребенку было плохо, он нуждался в чем-то присутствии. Когда, прижав к себе, мать качала Диану, что-то напевая, она прервалась и зашептала:

— Ничего, ты поправишься. Ты должна вырасти и стать матерью, это самое главное в жизни женщины, что бы кто ни говорил. Самое главное. Но для тебя может быть только Адам, для Адама — ты. Без тебя и ему не стать отцом. Дети — ваше продолжение, без детей нет смысла. Зачем мы пришли в Башню, если наши дети не родят своих детей? Такого не может быть! Вы подрастаете, родите своих детей, они — своих.

Возможно, Анна говорила не столько Диане, сколько себе: она себя успокаивала, полагая, что в горячке ее дочь вряд ли что-то поймет. И Диана поняла не многое, но кое-что запомнила. Утверждение насчет детей. Они — продолжение.

Осознание истинного смысла услышанного в детстве пришло лишь сейчас, в этот критический момент. И в то

же время Диана помнила, как та же мать говорила ей, что убить родного брата — великий грех, который перейдет, как нечто материальное, на детей. Это нечто будет подобно заразе портить сначала твою жизнь, позже — жизни твоих детей. Как же быть? Что выбрать?

Диане захотелось плакать. Кажется, она и не прекращала — лицо было влажным. Она вжалась спиной в бетон, сжала ружье сильнее, хотя пальцы рук побелели от напряжения, попыталась отстраниться от любого решения. Она знала — однажды ей об этом говорил дядя Иван, — нередко бывает так, что, даже приняв какое-то решение, в последний момент человек поступает иначе. Адам как-то приводил примеры из книг, и они с Дианой обсуждали, почему с людьми случается именно так, не иначе. Диана в той же ситуации. Решив убить Марка, она может пойти на попятную, когда Марк появится, и наоборот. Лучше ни о чем не думать, и будь что будет.

Марк перестал орать. Слишком тихо. Она не верила, что он бросил преследование и двинул назад, на помощь Борису, который, бесспорно, в ней нуждался. Марк затаился, рассчитывая, что она — неизвестный беглец — не выдержит, начнет спуск. Долго он ждать не будет — внизу Адам и, кто знает, не Диана ли? Она вообще удивилась, что Марк отправил вниз Бориса, не пошел сам. Поддался импульсу, как и Диана? Или был уверен, что Борис без проблем удержит беглецов в шахте до его возвращения? Не потому ли в его криках появилась злоба и раздражение, что Марк не рассчитывал, что преследование так затянется? Время сейчас на стороне Дианы — первым не выдержит и даст знать о себе именно Марк.

Точно. Правда, приглушенные звуки шагов в антенной части слышались выше того места, где притаилась Диана. Иллюзия? Диана ждала. Кто-то спускался, не наоборот. Неужели она не слышала, как Марк поднялся выше ее и теперь спускается? Диана подавила импульс рвануть вниз по наружной лестнице, опередив своего преследователя.

Вовремя.

— Ба! — вскричал Марк внутри Башни. — Кого я вижу!

Диана вздрогнула, с опозданием поняв, что Марк обращается не к ней. Она едва не оступилась, чтобы полететь вниз, к своей смерти. Марк находился очень близко от проема двери, Диана слышала его отчетливо.

— Это ты, гаденыш Стефи? Из-за тебя я потратил столько времени? Ах ты гаденыш... Куда же ты? Опять тикаешь? То тикаешь, то идешь мне в руки, то снова тикаешь?

У Дианы все сжалось внутри. Она сделала шаг к проему двери, остановилась, не зная, как быть. Если Марк думает, что преследовал Стефана, она может уйти незамеченной! Для этого придется оставить Стефана Марку. Или ей придется его спасать, но это возможно ценой убийства или ранения Марка. Она вряд ли смогла бы выстрелить в Марка даже ради собственной жизни и свободы, и Стефан... Хватит ли у нее духу? Что сказал бы ей Адам?

Она сделала шаг назад: возлюбленный потребовал бы от нее уйти незаметно и как можно быстрее. Выбрать меньшее из зол. Они не могли найти Стефана, может быть, даже Марк не сможет его нагнать.

— Стефи, куда ты? У меня нет времени на тебя! Стой! Я посажу тебя на цепь, гаденыш!

Крики Марка стали подтверждением ее мыслей. Он полез по внутренним лестницам вверх, Диана оказалась ниже его. Несколько долгих-долгих секунд она думала, спуститься ли по наружным лестницам или внутренним? Где больше шансов?

Гул шагов Марка стал выше. Стефан удирал от него. Милый, добрый, несчастный Стефан! Он спас ее!

И снова она поддалась импульсу — двинулась вниз по наружной лестнице. Для этого ей пришлось рисковать, одолевая саму площадку, но она справилась. Спустившись на предыдущую площадку, Диана вошла внутрь антенной части — теперь Марк не мог ее видеть.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Приказ Бориса звучал недвусмысленно. Или они выйдут, или он атакует их — арбалет направлен в шахту, и это не считая адской способности Бориса издавать чудовищной силы вопли. Беглецы угодили в западню.

Ближе всех к Борису находился Адам и представлял собой легкую мишень. Нельзя было сыграть на благоразумии Бориса, прячась за Нину — она оказалась ниже Адама. Но он был только рад этому, теперь он мог хоть как-то укрыть сестру. Был и еще один момент в их теперешнем положении: несмотря ни на что, Адам не хотел сдаваться и уже видел шанс, несколько призрачный, но при везении реальный.

Нужно нейтрализовать две опасности: арбалет и вопли. Для нейтрализации арбалета Адам и должен находиться к Борису ближе сестер. Правой рукой он нащупал топор за поясом. Придется пожертвовать. Если до этого еще дойдет.

— Живее! Вы меня не надурите!

— Никто тебя не дурит. Пусть Тамара спустится, одну ее нельзя оставлять. Тамара!

— Диана где?

— Ее здесь нет.

Пауза. Кажется, Борис неуверенно посмотрел вверх, пытаясь определить, правду ли говорит Адам.

— Не дури голову! Где Диана?

— Ее нет! Осталась наверху!

— Брехня, — произнес Борис неуверенно.

Адам игнорировал последнюю реплику.

— Тамара, не спеши, осторожно.

Как же предупредить ее, чтобы воткнула в уши беруши? Не зря же Адам придумал их в самый последний момент? И как вовремя! Он знал, что эти штуки понадобятся. Един-

ственное, он и не подозревал, что эти звуки издает Борис и что Адам с сестрами окажется так близко от него, в такой неудобной ситуации.

Тамара спускалась, не издавая ни звука: она напоминала тень. Борис занервничал:

— Живее! Сколько можно?!

— Мне надо помочь сестрам. Или они сорвутся вниз.

Адам изогнулся, пробормотал Нине невнятные успокаивающие слова. Дотянулся рукой до головы сестры, потрогал ее ушные раковины.

— Затычки... Достань их...

— Хватит с ней сюсюкаться! — вскричал Борис. — Пусть вылезает!

— Сейчас... Уступлю ей место.

Тамара была уже близко. Адам видел, как, спускаясь, она смотрит на него и Бориса. Адам приподнялся на полметра. Ситуация для неожиданного броска оказалась наиболее благоприятной, лучшего момента может не быть. Адам понял, что Борис один, иначе бы Марка они уже услышали. Значит, подонок поспешил вслед за Дианой. Плохо, очень плохо. Если Марк ее схватит, Адам не покинет Башню ни при каких обстоятельствах, даже ради сестер не уйдет.

Борис приподнял голову, перевел внимание с Нины, с трудом подтягивавшейся вверх, на Тамару. Адам понял, что момент настал, но так не хотелось рисковать Тамарой, что он не выдержал:

— Тамара, где штуки, что я тебе дал? Для ушей! Достань их!

Не договорив, Адам метнул в арбалет топор, вложив всю силу, рассчитывая, что какие-то секунды у Тамары есть. Топор вонзился в арбалет и, срикошетив, зацепил топорщиком подбородок Бориса, отлетел в шахту, исчез во тьме. Борис отшатнулся, выронив арбалет, который треснул и вышел из строя.

— Заткните уши! — вскричал Адам, отыскав свои затычки. — Тамара, вниз!

Нина уже спускалась, Адам поспешил за ней, поглядывая на Тамару. Борис растерялся, настолько не ожидал подобного, и у беглецов оказалась фора. Прошло не менее полминуты, прежде чем Борис, ошеломленный, откинул поднятый арбалет и высунул голову в лифтовую шахту. Но он все еще был растерян.

Тамара оказалась ниже его метров на пять, когда Борис открыл рот, и его нутро породило нечеловеческий вопль, ударивший, казалось, даже по канатам. У троих беглецов уши были заткнуты, но Тамара дернулась, почувствовав дискомфорт. Это ее не остановило, и она продолжала спуск, нагоняя Адама, который, опасаясь за нее, спускался медленнее.

Борис закричал снова. Лишь спустя время, когда эхо от вопля потонуло внизу, он понял, что чудовищной силы звук на беглецов не подействовал. Борис зарычал, в его голосе были неуверенность и страх поражения. Он встал, неуклюже осмотрелся, побежал вниз, понимая, что оружия у него нет, не считая небольшой кувалды, которой он разбивал двери в шахту. Будь у него возможность поражать беглецов воплем, но они нашли средство защиты и не только уравнились в силе, сейчас преимущество на стороне Адама.

Борис прыгал через несколько ступенек, его подгонял страх перед Марком. Он чувствовал, что брат способен на убийство, если ситуация поставит его перед фактом, что кто-то не выполнил для него нечто важное, что, по его мнению, нельзя прощать.

Адам с трудом различил очередные двери, потребовал от Нины остановиться. Для этого ему пришлось нагнать сестру и зацепить ботинком ее руки, в противном случае она бы ничего не услышала из-за берушей. Тамаре говорить ничего не пришлось, она была в метре над Адамом, и одну затычку из уха она вытащила.

Адам перехватил дубинку, опасаясь, что в отличие от потерянного топора дубинкой пробить двери окажется сложнее. В идеале нужно было спуститься еще ниже, но

Адам не был уверен, что его руки выдержат, что же говорить о сестрах? Когда он схватился за уступ под дверью, Адам почувствовал, насколько устали руки. Как же сестры? Держатся на одном адреналине? Из лифтовой шахты нужно выбраться не только для того, чтобы избавиться от опасности перед Борисом, девчонки рисковали сорваться без воздействия извне.

Адам ударил дубинкой по двери. Появилась вмятина, но эффект с топором был куда серьезнее. Сколько ему понадобится времени? Где-то по маршевой лестнице за ними бежал Борис! Адам нанес один за другим с десятков ударов, прежде чем проломил отверстие достаточное, чтобы пролезть. Пот заливал лицо, рука с дубинкой онемела, дыхание было прерывистым, но времени передохнуть не осталось.

Куски, торчащие по краям, показались ему слишком острыми, чтобы пустить первой кого-нибудь из сестер. Адам полез сам. Руки ослабли настолько, что в какой-то момент Адам испугался, что не сможет подтянуться. После нескольких попыток он кое-как протиснулся, сбив локтем самый острый осколок. На несколько долгих секунд он застыл — ноги свисают, корпус на полу вне шахты. Неимоверным усилием воли он приподнялся на локтях, осмотрелся, вытащил одну берушу. Ему померещился шум со стороны маршевой лестницы, но собственное ошалевшее дыхание мешало понять, не ошибся ли он. Помедлив, убедившись, что ни Борис, ни Марк не появились, Адам воткнул берушу на место и, обернувшись, свесился в шахту.

— Быстрее!

Он замахал рукой Нине, которая незаметно сползла, пока Адам пробивал выход, — руки почти не держали ее. Тамара замерла напротив Адама, и по ее глазам он понял, что нечто изменилось. Оглянуться он не успел.

Лезвие ножа прижалось к его горлу, слова, которые он уловил, показались из-за берушей смутными и едва понятными, хотя в реальности Борис кричал ему в самое ухо:

— Не дергайся! Или перережу твою глотку!